

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Романо-германская филология,
Контексты культуры
и литературные связи

Международный сборник научных статей

Новополоцк
2017

Редколлегия:

А.А. Гугнин – доктор филологических наук (отв. ред.);
Д.А. Кондаков – кандидат филологических наук;
Т.М. Гордеенок – кандидат филологических наук;
Р.В. Гуревич – доктор филологических наук;
Г.Н. Ермоленко – доктор филологических наук;
Е.А. Зачевский – доктор филологических наук;
З.И. Третьяк – кандидат филологических наук;
Н.Б. Лысова – кандидат филологических наук;
С.М. Лясевич – кандидат филологических наук;
С.Ф. Мусиенко – доктор филологических наук;
М.Д. Путрова – кандидат филологических наук;
Л.Д. Синькова – доктор филологических наук;
И.А. Чарота – доктор филологических наук.

Рецензенты:

кандидат филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой зарубежной литературы МГЛУ Ю.В. Стулов,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой перевода БГУ Д.О. Половцев

Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи : междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т ; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.] – Новополоцк, 2017. – 352 с.
ISBN 978-985-531-572-9.

В настоящем международном научном сборнике, продолжающем предыдущие издания (2011 и 2013 гг.) кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета, публикуются статьи по актуальным вопросам романо-германской и славянской филологии, методологии литературоведческих исследований, методике преподавания гуманитарных дисциплин. Особое внимание в данном сборнике уделено проблемам конкретно-исторического изучения литературных взаимосвязей, а также философским, социальным и литературоведческим аспектам изучения проблемы войны и мира.

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ**КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ РУССКО-НЕМЕЦКИХ
И НЕМЕЦКО-РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ**

А.А. Гугнин

Полоцкий государственный университет, Беларусь

В очерке сделана попытка представить тысячелетнюю историю русско-немецких и немецко-русских литературных взаимосвязей не изолированно, а как последовательное и закономерное движение двух становящихся и развивающихся национальных культур к взаимопознанию, взаимопониманию (при всех рецидивах взаимонепонимания) и взаимообогащению – с учетом сложностей историко-культурного процесса на каждом историческом этапе. Примечания не только отсылают к источникам, но предназначены и для расширения контекста рассматриваемой тематики, привлечения новейших источников, в том числе и публикаций самого автора, посвятившего данной проблематике многие годы.

При большом количестве книг и статей по самым различным проблемам русско-немецких литературных отношений пока нет ни одной работы, прослеживающей всю историю литературных связей России и Германии как в типологическом, так и в историко-литературном аспектах. А между тем особенно важными представляются по крайней мере три вопроса из обширной тематики взаимоотношений немецкой и русской литератур. Во-первых, как эти взаимоотношения в самых общих чертах складывались на протяжении всего тысячелетнего периода развития обеих литератур? Во-вторых, каким образом богатство немецкой литературы отражено в имеющихся на сегодняшний день русских переводах? И наконец, в-третьих, что и как способствовало знакомству немцев с произведениями русской литературы и какую роль в возрастании взаимного интереса играли те или иные исторические события и личные контакты писателей?

Разумеется, очерк носит эскизный, ни в коем случае не исчерпывающий характер.

1

Легенды и эпические произведения как нижненемецкого, так и верхненемецкого происхождения донесли до нас образ былинного русского богатыря Илья Муромца в несколько непривычном для него «западном» окружении. В созданной в начале XIII века на юго-востоке Германии шпильманской поэме «Ортнит» сюжет локализован в Лангобардском королевстве, то есть использованы отдельные предания, бытовавшие по крайней мере с IV–VI веков. Илья Муромец выступает в этой поэме как русский король и как знатный родственник могущественного лангобардского короля Ортнита. Именно Илья советует молодому королю отправиться на поиски будущей королевы на Ближний Восток, в земли сарацинов, и затем сопровождает Ортнита в этом опасном предприятии.

Dô sprach von den Riuzen der künic Vljas,
wan er dâ nach Ortnîden der tiweriste was.
ich weiz eine frouwen schoene und wol geborn,
der gebat nie man, er hiete daz houbet sîn verlor¹.

Нет ничего удивительного в том, что немецкий шпильман начала XIII века использовал в своей поэме героя восточнославянского былинного эпоса, – ведь Киевская Русь поддерживала оживленные политические, торговые и культурные контакты не только с Византией, но и с западноевропейскими государствами².

Шпильманский эпос – явление по-своему уникальное. Немецкие шпильманы XI–XIII веков представляли собой наиболее демократическую и подвижную прослойку в тогдашней письменной литературе. Не участвуя в изощренных состязаниях миннезингеров, шпильманы в рамках своих исторических возможностей осуществляли широкую – пусть и не всегда теоретически осознанную – программу демократизации существующих литературных жанров и выработки новых, общедоступных, форм повествования. Именно они подхватили еще распространенные в то время героические и мифологические предания и «тривиализировали» их, причудливо объединяя с фольклорно-сказочными и экзотически-рыцарскими сюжетами³. В одних из этих произведений преобладают сказочно-рыцарские мотивы («Король Ротер», «Герцог Эрнет» и др.), в других же все-таки достаточно отчетливо прослеживается историческая и мифологическая основа, связывающая их с циклом героических поэм о Дитрихе Бернском, с «Песней о Нибелунгах», со всем огромным пространством германо-скандинавской мифологии⁴. Кроме вышеупомянутой поэмы «Ортнит» сюда относятся «Вольфдитрих», «Бегство Дитриха», «Розовый сад», «Равеннская бит-

ва» и многие другие поэмы, составившие впоследствии так называемую «Книгу о героях», существующую в нескольких записях. С учетом скандинавских источников, в частности «Саги о Тидреке», где также действует русский богатырь Илья, выстраивается разветвленная генеалогия действующих лиц средневекового героического эпоса, отправной точкой которого служат бурные события эпохи «великого переселения народов» IV–VII веков⁵. Если попытаться сопоставить историческую картину средневековья с той образной картиной, которую можно было бы вывести из суммы средневековых поэтических памятников, то картины эти в общем и целом вполне дополняли бы друг друга. Не случайно, например, и современные историки считают необходимым подчеркнуть, что «гибель бургундов, населявших область Вормса, легла в основу созданной позже “Песни о Нибелунгах”»⁶.

Стремясь сохранить историческое предание или отразить в произведении животрепещущие проблемы современности, шпильманы (из числа которых, возможно, вышли и авторы «Песни о Нибелунгах» и «Кудруны») ставили перед собой задачи художественного и мировоззренческого характера. Они пытались, например, в рамках средневекового эпоса дать целостную, внутренне завершенную картину мира. Отсюда раздражающая порой современного читателя любовь средневековых авторов к генеалогии: в обширной поэме «Бегство Дитриха», например, очень большое место занимает выяснение происхождения и родственных отношений основных и побочных героев германского эпоса. Во главе этой генеалогической таблицы оказывается «знаменитый и благородный король Дитварт, которому принадлежала вся Римская империя»⁷. Через одно поколение появляются братья Зигфрид и Ортнит, и еще через несколько поколений – Дитрих Бернский. «Русский король» Илья (вариант Илья Новгородский) выступает в различных преданиях то как дядя или знатный родственник Ортнита, то даже как отец его⁸. Включение русского богатыря Ильи в самый разветвленный цикл сказаний и шпильманских поэм о Дитрихе Бернском по-своему символизирует включение древнерусского государства в политическую, экономическую и духовную жизнь Европы. Вплоть до XVII века – при всей несомненности достаточно обширных контактов древнерусской литературы с духовной жизнью Германии – более богатые и научно-достоверные результаты получаются при сопоставлениях типологического характера⁹, а не при попытках выявить непосредственные заимствования и переводы, хотя и они в отдельных случаях тоже имели место. Обратимся к примерам.

Такой сюжет, как жестокое и с современных позиций не мотивированное убийство увезенной девушки в немецкой балладе «Улингер» и в русских балладах «Приказчики увозят девушку», «Казак и шинкаря», «Пропавшая дочь купца», или мотив найденной и не узнанной сначала сестры в немецкой балладе «Найденная сестра» и в русских балладах «Сестра и брат», «Разбойники и сестра», или распространенный в мировом эпосе сюжет поединка отца с сыном, встречающийся в «Песни о Хильдебранде» и в балладе «Младшая песнь о Хильдебранде», равно как и в русской былине «Бой Ильи Муромца с сыном», или, наконец, распространенный европейский средневековый сюжет убийства во время охоты, встречающийся также и в «Песни о Нибелунгах», исторической балладе «Госпожа фон Вайсенбург», но зафиксированный и во множестве хроник, в том числе и в русских летописях, начиная с «Повести временных лет», где этот эпизод датируется 975 годом¹⁰, – все эти и многие другие сюжетные сходства отнюдь не могут сводиться к попыткам во что бы то ни стало обнаружить и доказать момент заимствования, хотя типологическое сходство и «не снимает вопроса о международных взаимодействиях в области фольклора»¹¹. Осторожность в обращении с источниками фольклорного характера диктуется уже тем, что фольклорный памятник, как правило, объединяет в себе несколько временных пластов: от далекой языческой древности и до эпохи феодализма. Так, сравнительно-исторический анализ ряда памятников иранского, германского, кельтского и славянского эпоса постепенно привел ученых к выводу, что в произведениях типа «Песни о Хильденбране» или «Бой Ильи Муромца с сыном» наиболее древний фольклорный слой «представляет собою сложное художественное отражение конфликта двух эпох – эпохи материнского и отцовского рода»¹². Сложнейшую контаминацию исторически совершенно различных жанров и сплетение в одно целое по крайней мере тысячелетнего отрезка истории представляет собой и «Песнь о Нибелунгах», объединенная в конечном итоге в противоречивое художественное единство замыслом своего анонимного создателя на рубеже XII–XIII веков. Элементы заимствования на том или ином этапе или уровне, безусловно, возникали, особенно на уровне использования сказочных сюжетов, которые – вслед за А. Веселовским и М. Горьким – В. Жирмунский тоже считал наиболее «бродячим», интернациональным фондом фольклора¹³. Например, возможно ли вообще точно определить, в какие глубины первобытно-общинного строя разных народов уходит фольклорно-сказочный сюжет о битве эпического героя со змеем или драконом, сюжет, который в различных вариантах встречается также в русских и немецких сказках, в русских былинах и германском эпосе? Важно представлять себе некоторые из основных проблем исторического развития фольклора и мифологии еще и потому, что фольклор в Германии в виде народных песен, сказок и легенд продолжал развиваться вплоть до XIX и XX веков и нашел самые разнообразные формы отражения в литературе, в национальной художественной и музыкальной культуре.

Отнюдь не меньшую роль в последующем развитии немецкой культуры играла и мифология – вспомним лишь драматургию Ф. Хеббеля и Р. Вагнера и сложные перепутья германской мифологии в XX веке...

В развитии древнерусской и средневековой немецкой литературы возникали и другие, весьма интересные параллели. Если даже оставить в стороне первые опыты переводов Библии, апокрифических книг, различных обработок библейских сюжетов, признаваемых церковью, а затем и житий многочисленных святых, все равно остается достаточно обширное поле для типологически параллельных явлений. Возьмем один из наиболее ярких примеров средневековой литературной жизни – «Роман об Александре». Этот ранний европейский роман о жизни и приключениях Александра Македонского в своей первой версии возник во II веке до н.э. «на египетской почве»¹⁴ и постепенно распространился по многим странам, образовав около 200 вариантов и переработок¹⁵. В древнерусской литературе известны по крайней мере пять редакций этого романа, возникших с XI по XV век. «Александрия» была широко известна в России в XVI–XVII веках и дожила вплоть до XIX века в интерпретациях на лубочных картинах и в сказках.

Наиболее известны две немецкие версии «Романа об Александре»: «Песнь об Александре», переведенная в середине XII века клириком Лампрехтом с уже известной в то время французской обработки начала XII века, и поэма «Александр» Рудольфа фон Эмса (ок. 1250 г.), в основе которой лежит ранняя римская версия романа. Но на самом деле подобных обработок и версий романа – как поэтических, так и прозаических – было значительно больше. На основе самых различных источников (в основном латинских и французских) в XII–XV веках в Германии были созданы несколько немецких вариантов романа – вплоть до обработки известного сюжета врачом Иоганном Хартлибом (ок. 1444 г.), «народной книги, которая еще в XVI веке вдохновляла Ганса Сакса на создание пьес об Александре»¹⁶.

Подобные примеры, разумеется, легко расширить. Смысл же их в том, что и русская, и немецкая литературы в процессе своего исторического становления и развития активно использовали как античное (греческое и римское), так и христианское культурное достояние. Основное различие здесь, пожалуй, в том, что Россия, будучи больше связана с Византией, вначале гораздо активнее использовала источники на греческом языке, в Германии же, связанной с католическим Римом, предпочтение оказывали латыни. Огромное значение для развития древнерусской литературы имело общение с соседними славянскими странами, сначала с Болгарией, а затем и с Сербией. Для немецкой литературы очень важную роль играли средневековые контакты с Францией. При всех различиях западноевропейских и восточнославянских литератур в эпоху средневековья решающими для их дальнейшего развития оказывались все-таки общие черты и тенденции. В этой связи хочется напомнить справедливые слова Д.С. Лихачева: «Литература, общая для южных и восточных славян, была литературой европейской по своему типу и в значительной мере по происхождению. Многие памятники были известны и на Западе (сочинения церковные, произведения отцов церкви, «Физиолог», «Александрия», отдельные апокрифы и др.). Это была литература, близкая византийской культуре, которую только по недоразумению или по слепой традиции, идущей от П. Чаадаева, можно отнести к Востоку, а не к Европе»¹⁷.

Иного рода контакты возникали в тех случаях, когда русских и немецких авторов интересовал какой-нибудь конкретный эпизод европейской истории, и примерно в одно и то же время возникали произведения со сходным историческим содержанием. Так, например, общеевропейский интерес в XVI веке вызвали валахский князь Влад, прозванный Дракулом (ум. в 1446 г.), и особенно его сын Влад Цепеш, унаследовавший от отца и прозвище («дракон», «дьявол»). И отец, и сын были очень жестокими, но по своему справедливыми властителями, и легенды об их жестокости и своеобразной «справедливости» воссозданы как в фольклорных и анонимных источниках, так и в произведениях, авторство которых не подлежит сомнению. Рассказ о злодеяниях Влада Цепеша получил отражение в немецких «летучих листках» и народных книгах, в политических стихотворениях мастерзингера Михаэля Бехайма (1416 – ок. 1474) и в ряде других латинских и немецких источников. Русское «Сказание о Дракуле» известно в нескольких списках; еще А. Востоков предположил, что автором этой повести мог быть дьяк Федор Курицын, ездивший в 1482 году послом Ивана III в Венгерское королевство¹⁸. Эта гипотеза принята и в современных изданиях повести¹⁹, хотя в XIX веке возникали предположения о том, что русская повесть «могла быть составлена по немецкому оригиналу, может быть, при посредстве польской редакции»²⁰. Очень высокие художественные достоинства «Сказания о Дракуле», выразившиеся в самом языке, в композиции, в кажущейся незамысловатости сюжета, совершенно исключают прямой перевод и заимствование, но отнюдь не исключают возможности знакомства русского писателя с тем или иным немецким текстом.

В конце XV века на русский язык был переведен немецкий христиански-нравоучительный диалог «Спор жизни со смертью». Характерный для средневековой христианской литературы сюжет в XV–XVI веках стал обрастать многочисленными национальными вариантами. В немецкой литературе это и фастнахтшпиль («Fastnachtspiel Nic. Mercatoris»), и даже популярная народная песня, по жанру близкая к древним язычески-мифологическим и обрядовым песням, вроде спора «Зимы и лета»²¹. Оригиналом для первоначального русского перевода, по-видимому, «послужил текст, напечатанный в Германии и переве-

женный в Новгород любекским типографом Бартоломеем Готаном»²². Но литературное освоение внешне незамысловатого сюжета постепенно привело к его «беллетризации» в XVI веке, к внесению в него своеобразного развлекательно-рыцарского элемента: некий богатырь, не знающий поражений, возомнил, что никого нет на свете, кто мог бы одолеть его. Тут-то и «прииде к нему смерть, образ имея страшен, а обличие имея человеческо», узрев которую «храбрый той воин устранился велми»²³.

В XVI–XVII веках на русском языке появилось немало переводных повестей, некоторые из них и в Германии были популярнейшими народными книгами. Эти повести, нередко французского или немецкого происхождения, порой приходили в Московскую Русь через посредство чешского, польского и белорусского языков, то есть от непосредственных соседей²⁴. Так, с помощью белорусского перевода постепенно в XVI веке вошли в обиход Московской Руси повести «Бова-королевич»²⁵ и «Тристан и Изольда», прошедшие очень сложный путь из Франции. Огромным успехом пользовался сюжет о Тристане и Изольде в Германии: от эпической поэмы Эйльхарта фон Оберге «Тристрант и Изальде» (1170) до популярной народной книги, впервые изданной в 1484 году, – если даже отвлечься от последующей истории сюжета «Тристана и Изольды» в немецкой культуре XVI–XX веков... Через посредство польского текста в конце XVII века на русский язык были переведены два популярных западноевропейских сюжета, получившие в XV–XIX веках широчайшее распространение в Германии в виде народных книг. Это «История о прекрасной Мелузине», написанная в 1456 году Тюрингом фон Рингольтингенем на основе французской эпической поэмы конца XIV века²⁶, а также роман о «прекрасной Магелоне», первоначально созданный во Франции в XV веке на основе провансальской поэмы XII века²⁷. В славянские литературы французский роман «Пьер Провансальский и прекрасная Магелона» пришел через посредство немецкого перевода Виттена Варбека (1527). По новейшим исследованиям русский перевод романа «История о храбром рыцаре Петре Златых Ключей и о прекрасной королевне неаполитанской Магилене» был сделан в 1662 году с польского издания²⁸. Этот роман из цикла рыцарских романов, сюжетно связанных с образом Карла Великого (еще молодой Ф. Энгельс в 1839 году в статье «Немецкие народные книги» относил его к числу лучших народных книг, «прославляющих любовь»), хорошо прижился на русской почве, неоднократно переиздавался в XVIII веке, в том числе и в новых переводах. Сказочная повесть о прекрасной фее-волшебнице Мелузине была переведена на русский язык в 1677 году Иваном Руданским; в начале XVIII века «комедия о Мелузине» разыгрывалась в театре, позднее Мелузина изображалась на лубочных картинках, попала и в украинский фольклор.

2

Круг дипломатических и культурных контактов с Германией в XVI–XVII веках заметно расширился. Ярким примером, подтверждающим это, служат две поездки в Россию (1517, 1526) немецкого дипломата барона фон Герберштейна (1486–1566), в результате которых он написал обширное сочинение «Записки о московитских делах» (*Rerum Moscoviticarum Commentarii*, 1549), которое еще при его жизни несколько раз переиздавалось, затем было переведено на немецкий и на другие языки и до сих пор сохраняет не только историческое, но и научно-источниковедческое значение. (Правда, на русский язык текст был полностью переведен с немецкого издания только в 1908 году.) Постепенно расширялся и круг источников, по которым мы узнаем, что немцев интересовало в России и как они ее воспринимали. Например, важным историческим документом эпохи Ивана Грозного является «Краткое сказание о характере и жестокости правления Московского тирана Васильевича», написанное в 1570 году немцем Альбертом Шлихтингом, проживавшим в России в 1563–1570 годах и хорошо осведомленным о делах при дворе, «так как его, в силу образованности и знания немецкого и русского языков, выпросил себе в качестве слуги и переводчика итальянский врач, бывший на службе у тирана»²⁹. Интересный материал о посольских сношениях России со Священной Римской империей германской нации в последней четверти XVI века представляют так называемые «Цесарские книги»³⁰. Важные сведения историко-культурного характера содержатся и в двух новых редакциях русского хронографа (1599, 1601). Для нас здесь особенно интересна обширная статья «Сказание о латынях, како отступиша от православия», включающая в себя раздел «О Лютере Мартине», «сыне самого сатаны»³¹. Статья, написанная с сугубо обличительных, антипротестантских позиций, была тем не менее своеобразной попыткой более подробно охарактеризовать конкретные стороны протестантской реформы церкви, начатой Мартином Лютером в 1517 году. Борьба против протестантского учения Лютера смыкалась в России с борьбой против русских еретических учений, которые испытали «высший подъем в середине XVI века»³². В том числе и поэтому в полемике с лютеранством активно участвовал и Иван Грозный, создавший в «Ответе» Яну Роките (1570) «наиболее яркий и обстоятельный памятник русской антипротестантской полемики»³³.

Существенное значение для знакомства России с западноевропейской научной мыслью имел перевод на русский язык «Хроники всего света» польского писателя-гуманиста Марцина Бельского, впервые изданной в 1551 году. Полный текст русского перевода датируется 1584 годом, но сохранились и отрывки более ранних переводов. В компилятивный свод М. Бельского попали и некоторые выдающиеся

памятники гуманитарной научной мысли, созданные в Германии. Так, например, третья книга «Хроники всего света» (в издании 1564 г.) «Комментарии о состоянии религии и государства при императоре Карле V» (1556) представляет собой изложение сочинения известного историка и политического деятеля Иоганна Слейдена (1506–1556). До XIX века Слейдан «считался первым авторитетом по истории Реформации»³⁴. В русском переводе сохранилась и общая положительная оценка разносторонней деятельности Лютера, но сказались и отрицательное отношение к событиям Великой крестьянской войны и учению Томаса Мюнцера³⁵. Пятая книга «Хроники всего света» М. Бельского является сокращенным пересказом самой известной в XVI веке «Космографии» (1544) немецкого географа Себастьяна Мюнстера (1489–1552), переведенной на многие европейские языки. В десятой книге, являющейся изложением истории великих географических открытий, М. Бельский также использовал труды немецких ученых: С. Мюнстера, И. Гуттиха и др.³⁶. В целом же перевод «Хроники всего света» М. Бельского имел очень большое культурно-просветительское значение для русской читающей публики и способствовал созданию ряда оригинальных памятников русской литературы.

Одним из наиболее подробных и достоверных исторических документов начала XVII века является «Московская хроника» (1584–1613), написанная немцем Конрадом Буссовом, знавшим русский язык и проживавшим в разных местах России в 1601–1611 годах. К. Буссов подробно и местами весьма образно и художественно описывает сложные события от смерти Ивана Грозного до изгнания из Москвы польских интервентов и избрания русским царем Михаила Федоровича Романова. Один из сыновей К. Буссова (Конрад Буссов-младший) был активным участником восстания Болотникова, да и сам автор «хроники» имел к этому восстанию непосредственное отношение – ни в одном иностранном сочинении того времени личность Болотникова и события восстания не описаны столь подробно. Столь же подробно рассказывается в «Московской хронике» о многих событиях освободительной борьбы русского народа против польско-шведской интервенции, очевидцем которых был К. Буссов³⁷.

Таковы некоторые основные линии русско-немецких литературных связей в наиболее сложный для изучения период древнерусской литературы, а также и на протяжении «переходного», XVII столетия. Связей и контактов этих на практике, разумеется, было больше, но в кратком очерке важно было подчеркнуть момент постоянства и преемственности в древнерусских контактах с Западной Европой – в том числе и с Германией. Эти контакты установились в период расцвета Киевской Руси, затормозились, не прерываясь окончательно, в период татаро-монгольского ига и поднялись на новый качественный уровень в XVI–XVII веках, всемерно способствуя внутренним процессам развития самой древнерусской литературы. По словам Д.С. Лихачева, «в течение всего XVII века совершался длительный процесс перехода от средневековых художественных методов в литературе к художественным методам литературы нового времени, от средневековой структуры литературных жанров к структуре жанров нового типа, от средневековой корпоративности к индивидуализированному творчеству нового времени. Именно этот переход подготовил возможность приобщения русской литературы к опыту передовой литературы Западной Европы, ее «европеизации», но вместе с тем этот же переход к новой системе литературы уже сам по себе был ее «европеизацией»³⁸. При всей своей новизне реформы Петра I в конце XVII – начале XVIII веков явились следствием развития определенных тенденций, разрешением накопившихся в самой жизни противоречий, и в области культуры тем более «знаменовали собой переход от старого к новому, а не разрыв, появление новых качеств под влиянием тенденций, крившихся в предшествующем периоде»³⁹. Новые качества немецко-русских литературных связей, особенно отчетливо проявившиеся в XVIII веке, тоже накапливались постепенно.

В преддверии русско-немецких литературных отношений нового периода ясно просматриваются несколько любопытных исторических эпизодов, достаточно хорошо известных, но не теряющих своего значения. Один из них – это поездка в Россию немецкого поэта Пауля Флеминга и ученого Адама Олеария в составе делегации голштинского герцога Фридриха III в 1633–1635 годах и в 1636–1639 годах. Пауль Флеминг (1609–1640), один из талантливейших немецких поэтов XVII века, пытливно вглядывался в жизнь разных городов и местностей Московской Руси (Новгород, Москва, Нижний Новгород, Астрахань, Поволжье, побережье Каспийского моря и др.), ярко описывал свои впечатления в стихотворениях и поэмах. Творчество П. Флеминга одна из интереснейших страниц немецко-русских литературных отношений – словно бы предвещает тот широкий размах разнообразных литературных контактов России и Германии, который наступил уже в первой половине XVIII века. Чуть позднее к творчеству П. Флеминга обратился и Александр Сумароков, переведший в 1755 году три сонета о Москве⁴⁰.

В течение XVII века не только значительно увеличилось количество переведенных произведений немецких авторов, но заметно расширились и рамки культурных контактов. В сферу этих контактов, например, во второй половине XVII века попал и театр, открытый в 1672 году по приказу царя Алексея Михайловича в селе Преображенское в специально построенной для него «комедийной хоромине»⁴¹. По приказу царя немец И.Г. Грегори должен был поставить пьесу на библейский сюжет об Эсфире. Семиктная нравоучительно-историческая драма «Есфирь, или Артаксерсово действо» была написана сначала

в стихах на немецком языке. По-видимому, Грегори была известна драма Ганса Сакса «Эсфирь» (1559), хотя он при разработке сюжета использовал несколько различных источников и для того времени вполне оригинально их интерпретировал. Пьеса была переведена на русский язык «отчасти силлабическим и отчасти силлабо-тоническим стихом», и день постановки – 17 октября 1672 года – считается «днем рождения русского театра»⁴². В начале 1673 года тот же И.Г. Грегори закончил пьесу «Иудифь», для которой помимо Библии использовал латинские и немецкие драмы на тот же сюжет. Среди предшественников Грегори в разработке данного сюжета находятся Ганс Сакс и Мартин Опиц, который опубликовал драму «Юдифь» в 1635 году в Бреславле⁴³. В 1646 году в Ростоке вышел несколько расширенный текст «Юдифи», подготовленный учеником и последователем М. Опица А. Чернингом⁴⁴. М. Опиц переработал для своей драмы оперное либретто итальянца А. Сальвадори. В данном случае важно подчеркнуть, что и «Артаксерксово действо», и «Юдифь» были в XVII веке весьма популярными общеевропейскими сюжетами и первый русский театр через посредство немца И.Г. Грегори сразу же на эти сюжеты вышел и еще долго сохранял им верность. С начала XVIII века в жанре русской комедии усиливается влияние европейской драматургии, в том числе и немецкой⁴⁵. Стали появляться бродячие немецкие театральные труппы, отдельные сюжеты и сценки могли прививаться и на русской почве.

3

В истории культурных отношений Германии и России на рубеже XVII–XVIII веков есть и один факт почти уникального характера. Речь идет о достаточно близком личном знакомстве и переписке Петра I и его приближенных с крупнейшим философом раннего европейского Просвещения Готфридом Вильгельмом Лейбницем (1646–1716). До самой смерти Лейбниц с огромным вниманием относился к разносторонней деятельности Петра I, с которым он впервые лично встретился вблизи Ганновера в 1697 году. Всего исследователи насчитывают до пяти встреч (1711, 1712, 1716, 1716) Лейбница с Петром I⁴⁶, сохранилась и масса самых разнообразных документов, свидетельствующих о понимании Лейбницем высокого исторического предназначения России и его стремлении всемерно способствовать осуществлению этого предназначения. Первым среди великих европейских ученых (среди них был и Исаак Ньютон) Лейбниц «положил начало традиции признания России великими культурными деятелями западноевропейского мира; он служил ее коренным, жизненным интересам столь преданно и умело, как никто другой до него»⁴⁷. При ближайшем знакомстве действительно поражает то огромное количество разнообразных идей и практических проектов, которые Лейбниц пересылал непосредственно Петру I или его приближенным: от чисто научных планов организации Академии наук с разветвленной системой целенаправленных исследований до самых разнообразных технических, экономических и военных проектов и усовершенствований. Даже идея замены старинных приказов коллегиями, как свидетельствует С.М. Соловьев, зарождалась у Петра I не без влияния Лейбница: «Знаменитый Лейбниц писал Петру, что хорошее правление может быть только при условии коллегий, устройство которых похоже на устройство часов, где колеса взаимно приводят друг друга в движение. Сравнение не могло не понравиться Петру, который именно стремился к тому, чтоб русские люди во всем приводили друг друга в движение, ибо все зло происходило от разобщенности колес»⁴⁸.

При разработке системы коллегий и их организации в 1715–1717 годах Петр I столкнулся с острой нехваткой подготовленных кадров и со свойственной ему энергией и настойчивостью стал решать эту проблему. На льготных условиях в Россию приглашались самые разнообразные специалисты и даже просто деловые и грамотные люди. С другой стороны, как свидетельствует тот же С.М. Соловьев, «в январе 1716 года велено послать в Кёнигсберг человек 30 или 40 молодых подъячих для научения немецкому языку, дабы удобнее в коллегии были, и послать за ними надзирателей, чтоб они не гуляли»...⁴⁹

А через 19 лет (1735) в Германию поедет уже М.В. Ломоносов и будет учиться сначала в Марбурге у философа Христиана Вольфа, самого знаменитого ученика Лейбница, затем во Фрейбурге у горного советника Генкеля. Как показывают свидетельства самого Ломоносова и его современников, он интересовался в Германии не только естественными науками, но и философией, и эстетикой, и литературной теорией, и, наконец, художественной литературой. Ломоносов прочитал произведения многих немецких писателей от М. Опица и до И.Г. Готтшеда и, естественно, переосмыслил и перерабатывал эти произведения в своем творчестве⁵⁰. Причем ко времени возвращения Ломоносова из Германии (1741) в Петербурге установилась уже довольно устойчивая традиция «придворно-академической немецкой оды», которая «сыграла известную роль в сложении ломоносовской тематики»⁵¹. Традиция этой придворной оды началась в 1726–1727 годах стихотворениями академиков-немцев З. Байера и И.С. Бекенштейна на латинском и немецком языках, которые перевел на русский язык писец Академии И. Верещагин⁵². В 1731 году в Петербург по приглашению известного ученого Г.Ф. Миллера, с 1725 года работавшего в Академии наук, был приглашен Г.Ф. Юнкер (1702–1744), уже известный тогда немецкий литератор, активно включившийся и в Петербургскую придворную жизнь. Его торжественные оды переводились на русский язык В.К. Тредиаковским и М.В. Ломоносовым. В конце 1735 года в Петербург приехал поэт Я. Штелин

(1709–1785), соратник И.Г. Готшеда по «Лейпцигскому немецкому обществу», и сразу стал писать придворные поздравительные оды и другие стихотворения, которые опять-таки на русский язык переводились Тредиаковским, Ломоносовым, Поповским и др. Крупнейшие русские писатели XVIII века – М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков, Г.Р. Державин, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин – хорошо знали немецкий язык и постоянно обращались к немецкой литературе. Еще обучаясь в Германии, Ломоносов увлекся творчеством крупнейшего немецкого поэта начала XVIII века И.К. Гюнтера, и это увлечение достаточно заметно и положительно сказалось на его творчестве⁵³. Но, как и Петр Великий, Ломоносов был горячим патриотом России и отнюдь не бездумно следовал иноземным образцам; он, в частности, высоко оценивал выразительные возможности русского языка, не переставал им восхищаться, всемерно способствовал его дальнейшему развитию.

Анализ общественной и литературной ситуации в России в середине XVIII века показывает, что наиболее тесные отношения сложились в данный период именно с немецкой литературой. Лишь со второй половины века постепенно усиливалось французское, а затем и английское влияние⁵⁴. Даже для восстановленного в 1702 году в Москве театра Петр I приказал вызвать из Данцига немецкую труппу Кунста, для которой были отстроены и специальные помещения⁵⁵. В 1703 году труппу умершего Кунста возглавил Отто Фюрст. По сохранившимся свидетельствам в репертуар этой труппы входили (в числе других пьес) трагедии Андреаса Грифиуса «Мужественный законник, или умирающий Папиниан» (1659) и «Софонизба» (1680) Даниэля Каспара Лээнштейна⁵⁶.

По существу, в течение всего XVIII века постепенно расширялись личные контакты и знакомства русских и немецких ученых, писателей и деятелей культуры, да и сами немцы все больше начинали интересоваться Россией, изучали русский язык и, находясь на русской службе, в той или иной мере способствовали развитию русской науки и литературы, ее скорейшему знакомству с ведущими направлениями западных литератур того времени. Так, историк и археограф Г.Ф. Миллер (1705–1783), хорошо знавший русский язык, в 1733–1743 годах участвовал в экспедиции по изучению Сибири и на основании огромного архивного материала написал «Историю Сибири»⁵⁷, опубликовал такие ценные источники, как «Степенная книга», письма Петра I к Б.П. Шереметеву, «Историю Российскую» В.Н. Татищева и т. д. Но тот же Г.Ф. Миллер был некоторое время редактором газеты «Санкт-Петербургские ведомости», выходившей с 1728 года, а с 1755 года он же был редактором научно-литературного журнала энциклопедического характера «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие»⁵⁸, где печатались не только многочисленные статьи самого редактора по различным вопросам русской истории, статьи русских академиков и переводы, но регулярно помещались и произведения русских писателей – только А.П. Сумароков опубликовал здесь свыше 120 стихотворений и статей⁵⁹. Другой весьма яркий пример – служба в Петербургской Академии в 1761–1767 годах известного немецкого историка и публициста А.Л. Шлёцера, изучавшего древнерусские летописи и способствовавшего публикации «Истории Российской» В.Н. Татищева. Главный труд А.Л. Шлёцера «Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные» был издан в 1802–1809 годах в Гёттингене на немецком языке и в 1809–1819 годах в Петербурге на русском языке. А.Л. Шлёцер «оказал положительное влияние на развитие русского источниковедения»⁶⁰, хотя в концептуальном плане работы его не во всем выдержали проверку временем. По возвращении в Германию Шлёцер преподавал в Гёттингенском университете и продолжал активные занятия славистикой. Только в «Гёттингенских ученых известиях» в 1801–1809 годах были опубликованы десятки его статей и рецензий, которые являются важнейшими документами истории славистики в Германии и истории немецко-славянских отношений в начале XIX века⁶¹.

4

В русско-немецких литературных отношениях в XVIII веке обнаруживается еще одно важное качество, придающее им особое значение в общеевропейском литературном контексте. Для французов немецкая литература всерьез стала открываться только в XIX веке после выхода книги Жермены де Сталь «О Германии» (1810); в Англии интерес к ней усилился⁶² после перевода Вальтером Скоттом «Леноры» Бюргера в 1796 году, «Гёца фон Берлихингена» Гёте в 1799 году, но особенно в результате разносторонней деятельности С.Т. Колриджа по пропаганде немецкой литературы, эстетики и философии после его поездки с Вордсвортом по Германии в 1798–1799 годах. В России же интерес к немецкой литературе уже в первой половине XVIII века формировался по самым разнообразным каналам, а позднее можно говорить уже о систематическом интересе русских писателей и деятелей культуры к немецкой литературе, об активном переводческом освоении многих значительных явлений немецкой литературы XVIII века. И сегодняшний уровень изучения литературных взаимоотношений в Европе позволяет подтвердить важный вывод, сделанный в свое время П.Н. Берковым: «Обращение к материалам русских переводов с немецкого в XVIII веке приводит к выводу, что в тогдашней России немецкую литературу знали достаточно хорошо и что среди европейских народов русские были, по-видимому, наиболее внимательными

читателями немецких авторов. Тем самым устанавливается факт, что свое европейское распространение немецкая литература, как и немецкий язык, начала с России, а не с западных государств»⁶³.

Анализ всей совокупности обстоятельств, обусловивших в первой половине XVIII века заметный перевес немецко-русских литературных и культурных контактов (французское влияние, исходившее от переводных романов⁶⁴, а затем от Вольтера и Дидро, по-настоящему началось лишь в «век Екатерины»), невозможен в рамках столь краткого очерка. Здесь можно лишь отметить, что определенное увлечение передовых деятелей русской культуры (А.Н. Радищев, Н.И. Новиков, Д.И. Фонвизин и др.) идеями и произведениями французских просветителей свидетельствовало в том числе и о высокой гражданской зрелости русской культуры, о сознательном отборе ею в богатой палитре европейских литератур именно того духовного материала, который наиболее соответствовал как самым общим задачам Просвещения, так и задачам прогрессивных преобразований в России. Естественно, что в этом плане произведения французских просветителей в лице Монтескье и Вольтера, Руссо и Гельвеция, Мабли, Гольбаха и Дидро⁶⁵ давали передовым русским общественным деятелям и писателям значительно большую пищу для развития антикрепостнических идей, чем просветители раздробленной Германии, гораздо чаще обращавшиеся к проблемам философско-воспитательным и эстетическим, чем непосредственно политическим.

Но связи с немецкой литературой продолжали развиваться и крепнуть также и во второй половине XVIII века. Здесь уже сложилась определенная традиция постоянных контактов и общения. К примеру, молодой А.Н. Радищев вместе с А.М. Кутузовым, будущим переводчиком «Мессиады» Клопштока, и другими учениками Пажеского корпуса были в 1766 году отправлены Екатериной II для получения образования в Лейпцигский университет. Радищев пробыл в Лейпциге до 1771 года, занимаясь юриспруденцией, естественными науками, но также философией и литературой. В Лейпцигском университете в 1765–1768 годах учился молодой Гёте, он познакомился там и с профессором-поэтом Геллертом⁶⁶. У Радищева в «Житии Федора Васильевича Ушакова» есть одно любопытное воспоминание о Геллере: «За счастье почесть можно, если удостоишься в течение жития своего беседовати с мужем, в мире прославившимся: удовольствием почитаем, если видим и отличившегося злодея, но отличным счастьем почесть должно, если сопричастен будешь беседе добродетелию славимого. Таковым счастьем пользовались мы хотя недолгое время в Лейпциге, наслаждаясь преподаваниями в словесных науках известного Геллерта...»⁶⁷. После подобных отзывов Гёте и Радищева уже вовсе не может удивить очень большая популярность и многочисленные переводы романов, комедий, трактатов, духовных песен, од и прочих стихотворений Геллерта в 1760–1790-х годах в России⁶⁸. Отдельным изданием (в прозаических пересказах М.А. Матинского) басни Геллерта были опубликованы в 1775 году. Позднее – уже стихами – басни этого поэта переводили А.П. Сумароков, И.И. Хемницер, М.М. Херасков, М.Н. Муравьев и др. Кроме Геллерта распространение получили переводы басен немецких поэтов М.Г. Лихтвера, Г.В. Рабенера, Г.Э. Лессинга, но все же именно Геллерт был настолько популярен (особого и специального разбора заслуживает – применительно к России – сопоставление его с Лафонтеном, который также был широко известен), что «попутно» переводились его многочисленные произведения в самых разных жанрах, и в 1785 году отдельной книгой была издана на русском языке его биография, написанная И. Крамером.

Наибольшее признание у русского читателя во второй половине XVIII века получило творчество немецко-швейцарских писателей Альбрехта Галлера (1708–1777) и Саломона Геснера (1730–1788). В 1803–1804 годах в Москве было издано собрание сочинений С. Геснера в четырех томах и в новых, заново выверенных, переводах, где были подведены итоги тридцатилетней популярности поэта в России, начавшейся в 1772 году, когда были опубликованы пять идилий в еженедельнике «Вечера», издававшемся кружком М.М. Хераскова, – они сразу обратили на себя внимание демократическим противопоставлением антинародной Семилетней войны мирным красотам швейцарской природы. Переводчик сознательно приблизил проблематику идилий к русским условиям⁶⁹. Н.М. Карамзин в программном стихотворении «Поэзия» (1787), рассматривая поэзию от сотворения мира и человека, отдает должное античным поэтам, затем переходит к Англии («Британия есть мать поэтов величайших»), называя Оссиана, Шекспира, Мильтона, Юнга, Томсона, и завершает Германией, особо выделяя «альпийского Теоокрита» Геснера и «несравненного Клопштока» – «священного поэта». Строки из Клопштока взяты и в качестве эпиграфа ко всему стихотворению⁷⁰. В карамзинском перечне не упомянуто ни одного французского поэта – для новой русской поэзии конца XVIII века важнее были контакты с немецкой и английской поэзией⁷¹. Французская поэзия по-настоящему пришла в русскую литературу уже в XIX веке.

В 1786 году Н.М. Карамзин опубликовал в Москве отдельной книгой свой прозаический перевод философской поэмы А. Галлера «О происхождении зла» (1734), которая в конце века была опубликована и в поэтическом переводе П. Богдановича. Наличие зла в «божественном» по происхождению мире объяснялось здесь «злым началом», заложенным в самом человеке, но подчеркивалось и то, что человек обладает свободной волей, способной преодолеть зло. По данным Р.Ю. Данилевского, первый перевод из Галлера на русском языке был опубликован в 1761 году и представлял собой диалог о России между русским и швейцарцем, в котором швейцарец хвалил деятельность Петра I, Петергоф и русский траги-

ческий театр, но порицал французманию своего русского собеседника⁷². На русский язык были переведены три политических романа Галлера: «Узонг» (1771), «Альфред, король англосаксов» (1773), «Фабий и Катон» (1774)⁷³, написанные с позиций «просвещенного абсолютизма». Один из крупнейших ученых XVIII века, человек широчайших знаний и образованности⁷⁴, А. Галлер вошел в историю европейской литературы прежде всего как автор сборника «Опыт швейцарских стихотворений» (1732), в котором была и поэма «Альпы» (1729), ставшая заметной вехой в развитии европейской поэзии XVIII века⁷⁵. По справедливой характеристике Р.Ю. Данилевского, «в барочную традицию тяжеловесного и многословного стихотворства XVII века Галлер привнес живописность реальной природы, пафос пылливой мысли, не робеющей перед изображением космоса и общечеловеческих проблем»⁷⁶. Поэзия А. Галлера сыграла определенную роль в становлении европейского сентиментализма. В России прозаический перевод поэмы «Альпы» был опубликован в 1798 году; поэма была хорошо известна в русской культурной среде; например, Н. Рашков в своей статье о Галлере писал в 1824 году, что «“Альпы” всегда будут принадлежать к числу отборнейших немецких стихотворений»⁷⁷.

5

Чем ближе мы подходим к концу XVIII века, тем обширнее становятся русско-немецкие литературные контакты, тем больше появляется переводов немецких авторов на русский язык. Однако необходимо помнить, что многие конкретные явления русско-немецких литературных связей второй половины XVIII века уже сравнительно детально изучены и при желании можно обратиться к этим публикациям⁷⁸. Вместе с тем некоторые общие вопросы международных связей русской литературы остаются пока открытыми. Один из них – это вопрос о месте и значении той или иной из крупнейших европейских литератур в общей сумме русско-европейских взаимосвязей рубежа XVIII–XIX веков, когда русская литература стремительно набирала новый качественный уровень, выведивший ее на место одной из крупнейших литератур мира. Речь здесь идет не о каком-то механическом подсчете суммы различных влияний, в результате которого можно будет утвердить приоритет той или иной литературы в общей сумме взаимосвязей, но о том, чтобы охватить весь сложный процесс взаимодействия европейских литератур, их постепенного сближения и взаимообогащения в ясной и целостной картине. При изучении литературных взаимосвязей необходимо «сочетание конкретно-исторического и типологического подходов к материалу»⁷⁹, которое в последние десятилетия активно используется в современном литературоведении применительно к историко-литературному процессу⁸⁰ и историко-литературному контексту⁸¹. Что касается европейских литературных взаимосвязей, то в свое время В.И. Кулешов попытался сформулировать и практически разрешить в своем исследовании «Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина)» (2-е изд., 1977) весь комплекс проблем, которые необходимо учитывать при широком подходе к данной теме. Но рубеж веков в названной книге не рассматривается. Тем более важно попытаться определить хотя бы некоторые «движущие пружины» литературных контактов в этот сложный период.

При анализе типологических сближений русской и немецкой литератур в конце XVIII века нельзя, например, забывать, что в этот период прогрессивные писатели России и Германии стояли перед сходными социально-политическими, литературно-общественными и эстетическими проблемами. Начиная с драмы «Мисс Сара Симпсон» (1755) Лессинга, многие выдающиеся произведения немецкой литературы проникнуты духом непримиримой борьбы с феодальным произволом – вспомним лишь «Эмилию Галотти» того же Лессинга, «Страдания юного Вертера» Гёте, «Разбойников» и «Коварство и любовь» Шиллера, баллады Бюргера и другие произведения поэтов и драматургов «Бури и натиска». Естествен и интерес к Лессингу, Гёте, Шиллеру и Гердеру в России, который оставался достаточно устойчивым и в XIX веке.

Литературно-общественная проблематика, объединявшая русских и немецких писателей второй половины XVIII века, была достаточно разнообразной. Например, немецкие ученые постоянно подчеркивали, что русская литература в Германии в XVIII веке воспринималась под углом зрения общенациональных задач, вставших перед немецкой буржуазией на пути к единому национальному немецкому государству, когда создание немецкой национальной литературы представлялось важным шагом в разработке и актуальном осмыслении политико-мировоззренческих проблем. Специфические общественные задачи русской литературы – укрепление национального русского государства, предъявление правящему классу социального обвинения и направленный в будущее революционный призыв – очень близко соприкасались с буржуазным эмансипационным движением «третьего сословия» в Германии⁸². Эти соприкосновения обуславливали и глубокий интерес к немецкой литературе в России, причем в XVIII веке на первом плане иногда оказывались писатели с более умеренной просветительской программой. Наиболее яркий пример здесь – разносторонний интерес (начиная с 1780 г.) к творчеству Кристофа Мартина Виланда (1733–1813), «изумительного мастера стихотворного эпоса, одного из создателей немецкого социального романа»⁸³. Писатель высокой и утонченной европейской культуры, Виланд занимал несколько обособленную позицию в Германии в эпоху «Бури и натиска»: он полемизировал, например, с Руссо и отнюдь

не восторгался «бурными гениями». Но объективно его творчество, безусловно, находилось в общем русле эмансипационного бюргерского движения в Германии, антифеодального в своей сущности. На русский язык в 1780–1790-х годах переводились сатирические романы («Агатон», «История абдеритов»), повести, поэмы и другие произведения Виланда⁸⁴.

В 1770 году в Петербурге была поставлена трагедия «Вольнодумец» И.В. фон Браве, которая была затем и опубликована в переводе И.П. Елагина как «Безбожный, трагедия в пяти действиях г. Браве» (СПб., 1771). Пьеса неоднократно ставилась еще и в 1790-е годы в Москве. С 1780-х годов немецкая «мещанская трагедия» была представлена в России такими классическими драмами, как «Клавиго» И.В. Гёте и «Эмилия Галотти» Г.Э. Лессинга. Сохранились также указания (и рукопись) перевода более ранней пьесы Лессинга «Мисс Сара Симпсон» (1755), первая постановка которой в Москве имела большой успех у публики. Первый (анонимный) перевод «Эмилии Галотти», опубликованный в 1784 году, не понравился Н.М. Карамзину, высоко ценившему Лессинга, и с 1786 года пьеса ставилась в Московском театре в переводе Карамзина, опубликованном в 1788 году. На основе глубокого анализа П.Р. Заборов делает вывод, что «интерес к английской драме сильно уступал интересу к драме немецкой как в великих ее образцах, так и в массовой продукции, получившей у нас необычайно широкую известность»⁸⁵. Кроме Гёте и Лессинга он отсылает к «Разбойникам» Шиллера, которые впервые были переведены и поставлены в 1791 году, а также указывает на «триумфальное шествие» в России драм А. фон Коцебу, которое началось с 1792 года и продолжалось более двух десятилетий.

В русской литературе конца XVIII века просветительские идеи и тенденции вступали в активное соприкосновение с сентименталистскими, а затем и предромантическими веяниями. И опять-таки немецкая литература предоставляла на выбор разнообразнейшую гамму оттенков: от революционных демократов, вроде Георга Форстера, до умеренных просветителей типа Виланда, К.Ф. Морица или даже Ф. Николаи, с которым, однако, вполне находили общий язык и Лессинг, и русский просветитель Н. Новиков; от леворадикальной и плебейской струи «Бури и натиска» (И.Г. Мерк, И.Г. Бюргер и др.) до неярко выраженного сентиментализма И.Я.В. Гейнзе; от религиозно окрашенной «Мессиады» Клопштока и его же более поздних патриотически-чувствительных отечественных од до гневно антифеодальных стихотворений Бюргера и Фосса. И это не говоря уже о Гёте и Шиллере, разнообразное творчество которых постоянно то одной, то другой своей стороной оказывалось актуальным для русской общественной и литературной жизни.

Начиная с эпохи «Бури и натиска» еще активнее стали развиваться и личные творческие контакты русских и немецких писателей. Непоседливые «бурные гении» нередко покидали Германию и искали счастья в других землях. Якоб Михаэль Рейнхольд Ленц и Фридрих Максимилиан Клиндер прибыли в Россию в 1780 году и так и остались в ней. Талантливый, но трагически неуравновешенный Ленц после недолгого пребывания в Петербурге переехал в Москву, где сблизился с кружком Н.И. Новикова и некоторое время регулярно общался с Н.М. Карамзиным⁸⁶. Ленц переводил М.М. Хераскова, намечал планы трагедии о Борисе Годунове, вообще активно интересовался русской историей и культурой. Умер Ленц в 1792 году в Москве при трагических, невыясненных обстоятельствах. Судьба Клиндера в России в житейском плане сложилась гораздо счастливее. Дослужившись до чина генерал-лейтенанта, он исполнял должность попечителя Дерптского университета, долго сохранял юношескую приверженность Руссо, постепенно переходя на умеренно-просветительские позиции.

Интересную и сложную судьбу в России имело философское, эстетическое и художественное наследие И.Г. Гердера, который и сам испытывал постоянный интерес к культурам славянских народов. К опыту Гердера уже в XVIII веке активно обращались Радищев, Державин, Карамзин, а впоследствии Жуковский, Одоевский, Гоголь, Грановский, Герцен, Л. Толстой и др.⁸⁷.

В первые десятилетия правления Екатерины II (1762–1796) развернулась активная деятельность целой плеяды замечательных русских писателей, журналистов и книгоиздателей. Беспрецедентными по своему размаху и масштабам в России XVIII века были просветительские начинания Н.И. Новикова (1743–1818), издававшего не только разнообразные журналы в Петербурге и в Москве, но и существенно расширившего массовое книгоиздание в России. Только в одной московской типографии в 1779–1785 годах он напечатал около 400 книг, открывая «книжные лавки и склады не только в Москве, но и в Ярославле, Смоленске, Вологде, Твери, Казани, Туле, Богородицке, Глухове, Киеве»⁸⁸. Екатерина II поначалу не препятствовала издательским начинаниям Н.И. Новикова, И.А. Крылова (она даже разрешила специальным указом в 1783 г. свободное развитие типографского дела в России) и деятельности Дружеского ученого общества в Москве (с 1772 г.), находившегося под сильным влиянием масонов. Но ее беспокойство заметно усилилось в середине 1780-х годов, и особенно после штурма Бастилии в Париже в 1789 году. Стареющую императрицу чрезвычайно напугал революционно-просветительский пафос «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) Радищева, и она окончательно сбросила маску либерализма: Радищев был сослан в Сибирь, Новиков посажен в крепость, а через несколько лет и Крылов из осторожности надолго отошел от литературной и издательской деятельности.

В русско-немецких литературных контактах начала 1780-х годов есть один, казалось бы, малозначительный, но по-своему любопытный факт, пока еще не нашедший полного объяснения. Молодой Фридрих Шиллер издал полемическую «Антологию на 1782 год» с вымышленным обозначением места издания «Отпечатано в типографии Тобольска». По мнению биографа Шиллера, «указанием на Тобольск автор хотел заклеить духовную пустыню своей вюртембергской родины»⁸⁹. Антология Шиллера поступила в продажу в самом начале 1782 года. А в августе 1782 года А.Н. Радищев пишет «Письмо к другу, жительствовавшему в Тобольске», опубликованное, правда, лишь весной 1790 года в собственной типографии Радищева. Хотелось бы думать, что здесь имеет место своеобразная духовная перекличка двух великих людей: хорошо информированный в русских и европейских делах Радищев мог из разных источников слышать о смелом авторе «Разбойников» и послать ему свой гражданский привет в «Тобольск». Но если оставаться на почве строгих фактов, то и здесь остается место для любопытных параллелей. В одном из писем своему покровителю графу А.Р. Воронцову Радищев пишет уже из Илимска 17 февраля 1792 года: «... прошу вас сообразоваться выслать мне с оказией путешествия академиком, а именно путешествия Штеллера и Гмелина. Я знаю творения других и даже труд Гмелина, который имеется по-русски; но просимые мною не переведены с немецкого подлинника, насколько мне известно, равно как и Флора сибирская последнего»⁹⁰. Родившийся и умерший в Тюбингене швабский земляк Шиллера Иоганн Георг Гмелин (1709–1755) был в 1731 году приглашен в Петербург в качестве профессора химии и естественной истории. В 1733–1743 годах он совершил несколько научных путешествий по Сибири, материалы которых затем использовал в книгах «Сибирская флора, или История сибирской растительности» (1747–1769, т. 1–4, на латинском языке⁹¹) и «Путешествие по Сибири в 1733–1743 годах» (издано в Гёттингене в 1751–1753 гг., в 1767 г. переиздано в Париже на французском языке). Эти издания, известные Шиллеру (с 1749 г. Гмелин был профессором ботаники и химии в Тюбингенском университете) и Радищеву, могли параллельно привлечь их внимание к Тобольску, хотя, надо заметить, подобного рода случайные совпадения встречаются в истории литературы не так уж часто...

6

Подводя некоторые предварительные итоги, можно сказать следующее. Расцвет русской литературы и многообразие ее культурных связей в XIX веке в значительной мере обозначились уже в конце XVIII века. Н.И. Новиков вышел на самые передовые европейские рубежи как демократический журналист и издатель. А.Н. Радищев, выступив во всеоружии европейской образованности, стал первым русским революционным мыслителем и писателем, самостоятельно и глубоко проработавшим наиболее радикальные произведения европейской материалистической философии.

Роль своеобразного «перекидного мостка» от европейского сентиментализма и предромантизма к русскому сентиментализму и даже реализму⁹² сыграл в XVIII веке Н.М. Карамзин (1766–1826). Его юношеское увлечение немецкой литературой⁹³ с годами не ослабевало. В 1786 году Карамзин переводит поэму Галлера «О происхождении зла»⁹⁴, в 1788 году – «Эмилию Галотти» Лессинга. Еще до своей поездки в Европу Карамзин начинает с августа 1786 года оживленную переписку с И.К. Лафатером, известным психологом-физиогномистом и писателем, в юности близким к идеям «Бури и натиска», хорошо знавшим Гёте. Карамзин обсуждал с Лафатером планы своей поездки, а во время поездки почти месяц провел в беседах со швейцарцем, что в различных формах отразилось затем в его творчестве и настроениях⁹⁵. Интересовался Карамзин и судьбами Гельветической республики (1798–1803), о которой он неоднократно писал.

Необходимо подчеркнуть, что поездка Карамзина в Германию, Швейцарию, Францию и Англию в 1789–1790 годах и его «Письма русского путешественника» впервые – пускай и не полностью – опубликованные в его же «Московском журнале» в 1791–1792 годах, на наш взгляд, знаменуют собой новый, более высокий качественный уровень русско-европейских, и особенно русско-немецких⁹⁶, литературных отношений. Этот новый уровень включает в себя несколько важных компонентов. Прежде всего поражает чрезвычайная информированность автора «Писем русского путешественника», его глубокие знания произведений современных ему немецких, английских и французских писателей, которые обнаруживаются едва ли не в каждом письме. Он приходит к К.Ф. Морицу, Виланду и Гердеру не как искатель автографов, а как человек, прочитавший и полюбивший их произведения, кровно заинтересованный в разговоре и живом обмене мыслями, как человек, проверяющий и уточняющий свою собственную нравственную и эстетическую программу. Даже если принять во внимание, что Карамзин специально готовился к поездке и специально читал отдельные книги, всё равно и сегодня впечатляет его глубокое знание произведений, только что вышедших во Франции, Англии или Германии. Так, по пути к дому К.Ф. Морица (6 июля 1789 г.) путешественник размышляет: «Я имел великое почтение к Морицу, прочитав его «Anton Reiser» весьма любопытную психологическую книгу, в которой описывает он собственные свои приключения, мысли, чувства и развитие душевных своих способностей. “Confessions de J.-J. Rousseau”, “Stillings Jugendgeschichte”, “Anton Reiser” предпочитаю я всем систематическим психологиям в свете»⁹⁷.

Знаменитый автобиографический роман К.Ф. Морица «Антон Рейзер, психологический роман», продолжавший социально-критическую линию «Бури и натиска», вышел в 4-х томах в 1785–1790 годах. Почти через столетия Г. Гейне назовет роман Морица «одним из важнейших памятников этой эпохи»⁹⁸. «Исповедь» Руссо была опубликована в 1782–1789 годах, «Годы отрочества Генриха Штиллинга» И.Г. Юнг-Штиллинга, известного профессора, хорошего знакомого Гёте и Гердера, – в 1779 году. Путешественник легко цитирует «Альпы» Галлера и «Мессиаду» Клопштока, хорошо знает романы Стерна, Голдсмита и Виланда, поэмы Геллерта и Геснера, торопится прочитать новые драмы Шиллера⁹⁹, ему знакомы различные произведения Гёте и Гердера, в том числе и философские труды последнего. Этот активнейший интерес к европейской литературной и культурной жизни способствовал тому, что и журнально-издательские начинания Карамзина – от «Московского журнала» (1791–1792) до «Вестника Европы» (1802–1803) – отличались новаторским характером, систематическим и широким освещением истории, политической жизни и культуры Европы.

Н.М. Карамзин по-своему поднял знамя русской литературы, насильно вырванное из рук Н.И. Новикова и А.Н. Радищева. Не обладая неукротимым и негибким общественным темпераментом Новикова и Радищева, Карамзин, однако, бесконечно много сделал для развития русского литературного языка, особенно языка прозы, хотя и в поэзии его «неуклонное стремление к поэтической простоте, смелой прозаизации стиха»¹⁰⁰ не могло пройти и не прошло бесследно. Основная и бросающаяся в глаза заслуга Карамзина в развитии русской поэзии и особенно прозы – решительное и бесповоротное размежевание с классицизмом во всех формах его проявления в литературном языке. Сентиментализм Карамзина, если посмотреть на него с точки зрения содержания и языка прозы, был в то же время и решительным шагом к реализму, без захода в романтизм, который Карамзин практически не интересовал, хотя он и был современником становления и расцвета европейского романтизма. Но то, что произведения Руссо, Стерна, К.Ф. Морица, Виланда, Лессинга, Гёте, Гердера, Шиллера и многих других выдающихся европейских писателей XVIII века сразу же после их публикации становились настольными книгами русского писателя, не подлежит сомнению. Будучи патриотом своей родины и своего, русского, языка, Карамзин меньше всего думал о подражании и заимствовании – он черпал духовное богатство всюду, где находил его, и сознательно стремился к тому, чтобы вершинные достижения европейской литературы стали органической частью самодвижения русского языка и русской литературы.

Таким образом, можно отметить, что любовь к родине и мечта о благе народа и его будущем, вдохновлявшие М.В. Ломоносова, Н.И. Новикова, А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина и многих других выдающихся русских литераторов XVIII века, не только не ослабевали, но скорее усиливались в результате знакомства их с европейской культурой. Хотя, с другой стороны, нельзя забывать и о том, что славянофильские и почвеннические настроения в духовной жизни России XIX века культивировались отнюдь не невеждами, а людьми широко образованными, великолепно и по первоисточникам знавшими и современную им западноевропейскую духовную жизнь.

Нельзя не сказать несколько слов и о другой стороне русско-немецких литературных связей – о знакомстве немцев с русской историей, литературой и культурой, которое заметно усилилось в эпоху Просвещения, особенно с конца XVIII века. Очень много в свое время сделали для изучения этих связей немецкие ученые¹⁰¹. Подводя итоги многолетних коллективных исследований, немецкий славист Г. Цигенгайт констатировал: «Период Просвещения следует расценивать как эпоху, заложившую основы и ставшую одновременно первым кульминационным моментом развития плодотворных немецко-славянских взаимосвязей в области литературы, науки и культуры»¹⁰². Из крупных немецких просветителей Г. Цигенгайт называет прежде всего Лейбница, Гердера и А.Л. Шлёцера. О них речь шла уже выше, и здесь в качестве добавления можно лишь сказать, что Шлёцер, вернувшись в Германию, неоднократно использовал свой авторитет и влияние, указывая в печати на огромные успехи России в области литературы и культуры и подчеркивая необходимость изучения русского языка. Со статьей «Немного о русском языке и о пользе его в Германии» выступил в 1793 году профессор из Галле И.Х. Рюдигер (1751–1822). «Не настало ли время приняться за изучение русского языка, на котором написано столько полезного и прекрасного?» – спрашивал Рюдигер и предлагал ввести обязательное изучение русского языка и русской литературы в высшей школе.

Новым этапом становления и подъема немецко-русских духовных взаимосвязей можно считать период антинаполеоновских освободительных войн, когда «русский народ предстал перед Германией и Европой в качестве всемирно-исторической силы»¹⁰³, одержавшей победу над могущественной империей Наполеона. В этот период активными сторонниками культурного сближения с Россией выступают публицист Эрнст Мориц Арндт, известный историк Бартольд Георг Нибур и др. Особого упоминания заслуживает русская тема в творчестве Теодора Кёрнера (1791–1813) – одного из крупнейших поэтов национально-освободительной войны 1813 года в Германии. Т. Кёрнер, сражавшийся в отряде прусского майора Лютцова, которому были приданы 50 русских казаков, написал не только сонет «Москва», исполненный чувства благодарного уважения к героическому русскому народу, но и пытался переводить на не-

мецкий язык услышанные от казаков русские и украинские народные песни. И русская аудитория в свою очередь проявила внимание к творчеству Т. Кёрнера. Особым успехом пользовались его драмы, одна из них – патриотическая пьеса из венгерской истории «Зринья» (Zriny, 1813) – по крайней мере пять раз публиковалась на русском языке в различных переводах в 1832–1871 годах¹⁰⁴.

В революционно-демократическом ключе звучала русская тема в творчестве известного немецкого романтика Адельберта фон Шамиссо (1781–1838), близко соприкоснувшегося с русскими моряками во время кругосветного путешествия на бриге «Рюрик» в 1815–1818 годах. Особенно показательна поэма в двух частях «Ссылные»¹⁰⁵ (1831), написанная по рассказам и записям его друга, ученого Георга Адольфа Эрмана (1806–1877), который во время своего путешествия в Сибирь в 1828–1829 годах встречался и беседовал в Якутске со ссылкой декабристом А.А. Бестужевым¹⁰⁶. Заметную роль в распространении русской литературы в Германии сыграл и Фарнгаген фон Энзе (1785–1858), который во время освободительной войны против Наполеона некоторое время был адъютантом при русском штабе и впоследствии описал радостные события, связанные с освобождением Гамбурга 18 марта 1813 года. Фарнгаген фон Энзе всю жизнь питал глубокое уважение к русскому народу и русской культуре, что сказалось, в частности, в его признании всемирно-исторического значения А.С. Пушкина, пропагандистом творчества которого он выступил в 1830-е годы. Вообще уже в первой половине XIX века в Германии были опубликованы переводы многих произведений русской литературы: от «Слова о полку Игореве» до произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя и отдельных статей Белинского¹⁰⁷.

7

Что же касается русско-немецких литературных взаимосвязей в XIX веке, они в кратком очерке могут быть изложены лишь конспективно. Заинтересованный читатель может обратиться к многочисленным исследованиям, имеющимся на русском языке. О неисчерпаемой истории творчества Гёте в России, начавшейся переводами драмы «Клavigо» (1780)¹⁰⁸ и «Страданий молодого Вертера» (1781)¹⁰⁹, все-таки многое уже известно благодаря монографии В.М. Жирмунского¹¹⁰ и работам других ученых¹¹¹. Популярность Шиллера в России, начало которой было положено уже в 1780-е годы¹¹², окрепла после перевода «Разбойников»¹¹³ и особенно возросла в результате усилий московского Дружеского литературного общества, первое заседание которого 19 января 1801 года А. Мерзляков открыл чтением вслух шиллеровской оды «К радости». Увлечение Шиллером в начале века разделяют А.С. Кайсаров, Андрей и Николай Тургеневы, А.Ф. Мерзляков, А.Х. Востоков, Н.Н. Сандунов, В.А. Жуковский, Н.И. Гнедич и другие представители русской интеллигенции¹¹⁴. Творчество Гёте и Шиллера, став неотъемлемой частью русской национальной культуры уже в начале XIX века, сохраняет свою актуальность и по сегодняшний день.

Наиболее талантливым и последовательным переводчиком и пропагандистом немецкого и – шире – западноевропейского романтизма в России в первые десятилетия XIX века был, несомненно, В.А. Жуковский, «гений перевода», как назвал его А.С. Пушкин в письме П.А. Вяземскому в 1825 году. Так же, как чувствительно-трезвый Карамзин впитал в себя все достойное внимания в европейском сентиментализме, этой «чувствительной струе» позднего Просвещения, так склонный к таинственному и чудесному, высоко нравственный и целомудренный Жуковский вобрал в себя европейский романтизм в его важнейших (и даже второстепенных) проявлениях (исключая, пожалуй, одного лишь Гейне). Но Жуковский переводил на русский язык не столько конкретных поэтов, «сколько основные идеи, принципы романтизма»¹¹⁵. Сказанное не означает, что Жуковский недооценивал перевод как таковой, но лишь подчеркивает, что на поэтический перевод он смотрел как на оригинальное творчество в рамках выработанной им самим эстетической программы. Творческий подвиг Жуковского, правильно и точно оцененный Пушкиным, Белинским¹¹⁶, Гоголем и Вяземским, лишь в последние десятилетия находит разностороннюю и аналитическую оценку¹¹⁷. Прочитав очень важное и убедительно подтверждаемое конкретным анализом наблюдение А.С. Янушкевича: «Переводил ли он элегию Грея “Сельское кладбище” или балладу Бюргера “Ленора”, романтическую трагедию Шиллера “Орлеанская дева” или романтическую поэму Байрона “Шильонский узник”, драматическую повесть Гальма “Камозне” или эпическую поэму Гомера “Одиссея”, он шел от своих художественных поисков в области нового героя, новых жанров, новых тем, новой образности. Переводы Жуковского – не собрание случайных обращений к тому или иному поэту. Это динамичная система, где всё чужое – свое и где главная поэтическая идея и формы ее выражения в отдельном явлении отражают логику движения целого»¹¹⁸.

Из немецких поэтов Жуковский переводил Глейма, Рамлера, Лессинга, Виланда, Клопштока, Гердера, Гёте, Шиллера, Бюргера, Коцебу, Маттисона, Шписса, Уланда, Фуке, Гебеля, Жана Поля, Ветцеля, З. Вернера, Цедлица, Гальма, Кёрнера, Рюккерта, Шамиссо, стихами переложил он несколько сказок братьев Гримм¹¹⁹. Но если присоединить сюда его дневники, письма, конспекты, статьи, наброски и до сих пор не опубликованные рукописи, то представление о писателе, переводчике и мыслителе значительно расширится и перед нами предстанет не просто уникально начитанный человек с высочайшей духовной культурой, но человек, всё чтение которого было направлено на постоянное

нравственное самосовершенствование, на углубленное познание человеческой личности – прежде всего отсюда и проистекает его интерес к романтизму.

«Поэт романтический, – писал Жуковский П.А. Вяземскому в 1846 году, – менее заботясь о верности своих очерков, менее заботясь о красоте пластической... углубляется в выражение таинственного, внутреннего, преследует душу во всех ее движениях и высказывает подробно все ее тайны»¹²⁰. Но ведь и для европейских романтиков именно «проблема личности становится центральной, вокруг которой группируются почти все остальные аспекты их идейно-эстетических позиций»¹²¹. Особенно много для эстетического осмысления и раскрытия «самоценного значения личности» как «центра мироздания»¹²² сделали йенские романтики. Отсюда и особый интерес Жуковского к немецкой эстетике, философии, литературе вообще. Любопытно, что в своем «Конспекте по истории русской литературы» (1826–1827) Жуковский, пытаясь объективно оценить свой личный вклад в развитие русской литературы, писал: «Его стихотворения являются верным изображением его личности, они вызвали интерес потому, что они были некоторым образом отзвуком его жизни и чувств, которые ее заполняли. Оказывая предпочтение поэзии немецкой... он старался приобщить ее своими подражаниями к поэзии русской...»¹²³ При естественной скромности подобной самооценки не подлежит сомнению факт особого интереса Жуковского к немецкой литературе.

Русской поэзии и – шире – литературе необходима была мощная «прививка» субъективности, чтобы пробиться к «истинно человеческой поэзии ... после условного риторического творчества Державинской эпохи», – написал впоследствии Вл. Соловьев, один из зачинателей русского символизма (цит. по: Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. – Л., 1974, с. 118). Речь шла о пересмотре системы жанров, утвердившихся в эпоху классицизма, но не в меньшей степени и о глубоком переосмыслении взглядов на литературный язык, который должен был из средства рационального (пускай и с «украшениями», «фигурами») выражения здравых мыслей и жизнеподобных картин превратиться в инструмент передачи тончайших чувств, иррациональных мотивов, побуждений и состояний души. В языке поэзии постепенно менялось всё: от синтаксиса до словоупотребления, от ритмов и размеров до семантики слов и возможности сочетаний прежде не сочетавшихся слов. Всю первую половину XIX века В.А. Жуковский посвятил этой многотрудной ювелирной работе, постоянно подвергаясь резкой критике «справа» и «слева». Но зато какие у него были защитники! Сам Г.Р. Державин написал незадолго до смерти (1816):

Тебе в наследие, Жуковской!
Я ветху лиру отдаю.

«Переводя, производил он переводами такое действие, как самобытный и самоцветный поэт... Переводя, он оставил початки всему оригинальному, внес новые формы и размеры, которые потом стали употреблять все другие наши поэты», – совершенно справедливо отмечал в 1846 году Н.В. Гоголь. Еще более отчетливо выразился в упомянутом выше письме П.А. Вяземскому А.С. Пушкин: «Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его. В бореньях с трудностью силач необычайный»; а в полемике с К.Ф. Рылевым наш великий поэт в том же (1826) году пророчески добавил, что «переводной слог его останется всегда образцовым». Это пророчество А.С. Пушкина сохраняет весомость вплоть до наших дней. Об этом приходится напоминать даже сейчас, когда с В.А. Жуковского уже несколько десятилетий снят ярлык «реакционный», многие годы внедрявшийся в сознание многих поколений советских школьников. Но настоящее изучение его творчества, достойное его подлинного места в истории русской литературы и в истории русского общества, еще только-только по-настоящему разворачивается, и напоминать об этом приходится именно потому, что без глубокого и всеохватного изучения всех сторон жизнедеятельности Жуковского мы не сможем продвинуться в понимании не только истории русско-немецких литературных и культурных взаимосвязей, но и самой истории русской литературы в один из самых ответственных периодов ее развития. Идеал переводческой деятельности Жуковского состоял в том, чтобы переведенное произведение стало «своим», естественно и органично включилось в стихию родного языка и его образно-выразительной системы, стало неотъемлемой частью естественного развития родной литературы, живого историко-литературного процесса, оставаясь при этом в максимально возможной степени переводным памятником чужой словесности, дающим яркое и наглядное представление о неповторимой индивидуальности чужого писателя и о национальном своеобразии чужой литературы. Для достижения такой задачи мало быть очень хорошим переводчиком, нужно быть еще и очень хорошим писателем, а сверх того – еще и яркой гениальной личностью... Всеми этими качествами в огромной степени обладал Жуковский. И оттого слова, сказанные о нем А.С. Пушкиным, в полной мере относятся как к его собственной поэзии, так и к его переводам:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливу даль,

И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль,
И резвая задумается старость.

(К портрету Жуковского, 1819)

Если рассказать кратко о судьбах немецких романтиков в России, то можно напомнить, что место эстетики А.В. Шлегеля в истории русской эстетической мысли в основных чертах намечено в книге А.С. Дмитриева¹²⁴, роль Людвига Тика в истории русского романтизма изучена Р.Ю. Данилевским¹²⁵. Э.Т.А. Гофману посвящена серьезная монография А.Б. Ботниковой¹²⁶ и ряд других исследований¹²⁷. Что же касается Гейне, то, несмотря на необъятность русской гейнеаны, основной фактический материал все-таки собран уже в книгах Я.И. Гордона¹²⁸. Самый разнообразный материал по русско-немецким литературным взаимосвязям содержится в уже упомянутой книге В.И. Кулешова «Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина)». Исследование Р.Ю. Данилевского «Молодая Германия и русская литература (из истории русско-немецких литературных отношений первой половины XIX века)» (1969), дополняя В.И. Кулешова, освещает проблематику русско-немецких литературных связей вплоть до середины XIX века, когда стремительно развивавшаяся русская литература постепенно входила в качественно новые отношения с ведущими европейскими литературами...

8

В середине 1830-х годов близкий к младогерманцам писатель, историк и публицист Генрих Йозеф Кёниг (1790–1869) решил взять на себя роль посредника между немецкой и русской литературами. В двух книгах «Московского наблюдателя» в 1836 году была опубликована большая статья Г. Кёнига «О теперешнем состоянии немецкой литературы», в которой он попытался подвести итоги и наметить перспективы развития немецкой литературы после смерти Гёте¹²⁹. Статья эта не составила эпохи, время не подтвердило и дилетантские прогнозы Г. Кёнига: он, в частности, объявил крупнейшим талантом Германии «после Гёте» поэта Фридриха Рюккерта. На следующий год Г. Кёниг подготовил с помощью Н. Мельгунова и затем издал книгу «Литературные картины России»¹³⁰, которая явилась, по существу, первым систематизированным изложением истории русской литературы за рубежом¹³¹. В.Г. Белинский собирался возражать против концепции этой книги, выдвигавшей на первый план русской литературы прозу А. Бестужева-Марлинского и поэзию Д. Веневитинова и А. Хомякова¹³². Но уже в следующем, 1838-м году, в Германии была опубликована статья Фарнгагена фон Энзе о Пушкине, в которой речь шла не только о признании выдающегося места Пушкина в истории русской литературы, но гораздо о большем – о том, что в лице Пушкина русская литература вышла уже и на всемирно-исторический уровень¹³³. Прозорливые суждения известного немецкого критика были признаны в Европе, да и в самой Германии, далеко не сразу. Понадобилось несколько десятилетий, пока русская литература – прежде всего в лице И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова – завоевала себе широкую читательскую аудиторию на Западе. Эта читательская аудитория складывалась постепенно, не последнюю роль здесь играла и неутомимая пропаганда русской литературы, которую проводили и сами русские писатели, подолгу жившие за границей (особенно И.С. Тургенев и А.И. Герцен)¹³⁴.

Анализ связей И.С. Тургенева с немецкой литературой помогает понять и правильно оценить специфику развития реализма в Германии. Немецкие реалисты – Б. Ауэрбах, Т. Шторм, Г. Фрейтаг, Ф. Шпильгаген, Ф. Рейтер и другие, – хотя и не создали в XIX веке таких всеобъемлющих социальных полотен, как Бальзак, Диккенс или Теккерей, все же отразили окружающую их действительность по-своему глубоко и правдиво. Реализм в Германии развивался во многом от романтизма по линии углубления «местного колорита», анализа духовного мира отдельной личности, психологической мотивировки действия. Все это интересовало русских писателей, крупнейшие из которых, однако, гораздо активнее обращались к широким общественным проблемам. В пору своей работы над «Записками охотника» И.С. Тургенев, например, познакомился с Б. Ауэрбахом, опубликовавшим в 1848 году «Шварцвальдские деревенские рассказы», привлёкшие в 1850-е годы также и внимание Л. Толстого. Рассказы и романы Б. Ауэрбаха активно обсуждались в русской критике, которая отмечала умение писателя высвечивать самые глубины народной жизни, но и упрекала его за недостаточно критический анализ социальной действительности¹³⁵. Близкое знакомство Тургенева с Ауэрбахом продолжалось с 1847 по 1873 год. Многие годы продолжалась и дружба Тургенева с Т. Штормом¹³⁶. Общение с Тургеньевым и его творчество в свою очередь оказывали заметное воздействие на немецких писателей. Естествен поэтому значительный интерес к творчеству Тургенева в немецком литературоведении¹³⁷. Не меньшее внимание привлекла в Германии и разносторонняя деятельность А.И. Герцена, дружившего со многими немецкими литераторами¹³⁸.

Широкой известностью во второй половине XIX века в России пользовались такие немецкие прозаики, как Г. Фрейтаг, Ф. Шпильгаген, Г. Эберс. С конца XIX века стали активно переводиться на русский язык немецкие натуралисты Г. Гауптман, Г. Зудерман, В. фон Поленц. В начале XX века издава-

лись собрания сочинений Я. Вассермана и Ф. Ведекинда. Уже в 1910 году было издано десяти томное собрание сочинений Генриха Манна и пяти томное собрание сочинений Томаса Манна.

К концу XIX века в Европе – и прежде всего в Германии – постепенно устанавливается новое и совершенно особое отношение к русской литературе. Крупнейшие немецкие писатели нередко ищут у русских писателей ответы на волнующие их нравственные и философские вопросы. Молодые Г. Гауптман и Т. Манн погружаются в изучение творчества Л. Толстого¹³⁹. Томас Манн всю жизнь был необычайно привязан к русской литературе, его статьи о Толстом, Тургеневе, Гоголе и Чехове «принадлежат к лучшему, что было написано за рубежом о русской литературе»¹⁴⁰. Еще в одном из ранних рассказов «Тонио Крёгер» (1903) Т. Манн устами заглавного героя назвал русскую литературу «святой» и «достойной преклонения». Для Т. Манна речь прежде всего шла о нравственном величии классической русской литературы, ее человеколюбии, ее активном гуманистическом пафосе. Оттенок своеобразного религиозного поклонения носило отношение к России крупнейшего австрийского поэта начала XX века Райнера Марии Рильке, неоднократно бывавшего в России и даже писавшего стихи на русском языке. Тема «Рильке в России» получила достаточно полное освещение во многих отечественных и зарубежных исследованиях¹⁴¹.

Из дореволюционных русских классиков наиболее сложная судьба в Германии выпала на долю Ф.М. Достоевского. Воздействие его творчества испытали на себе Ф. Ницше, З. Фрейд, Я. Вассерман, Т. Манн, Р.М. Рильке, Ф. Кафка, С. Цвейг, Г. Гессе и многие другие немецкие, австрийские и швейцарские писатели¹⁴². Особенно усилился интерес к творчеству Достоевского в XX веке. «Культ Достоевского как величайшего писателя современности утвердился прежде всего именно в Германии, в стране, глубоко потрясенной катастрофическим для нее исходом Первой мировой войны»¹⁴³. Естественно, что глубокое и разностороннее понимание такого сложного писателя, как Достоевский, не могло установиться сразу.

9

Конец XIX века и первая четверть XX века ознаменованы невиданной до того интенсивностью как самой литературно-художественной жизни в России, так и ее взаимосвязей с Германией (и Австрией¹⁴⁴). Наступала эпоха модернизма, и в России ее провозвестниками были символисты, решительно (или мягко) отходившие от реализма и подвергавшие пересмотру как национальные, так и мировые литературные традиции. Заново открыв для себя В.А. Жуковского, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета (т.е. поэтов, очень тесно связанных с немецкой культурой), они стали еще пристальнее, чем предшественники, вглядываться и в саму немецкую культуру, переосмысляя ее в символистском или мистическом ключе. Немецкий романтизм снова привлек к себе внимание, но на этот раз гораздо более пристальное и всеохватное. Из круга йенских романтиков символисты прежде всего предпочли Л. Тика и Новалиса. Но если интерес к Л. Тику в России была весьма устойчивым до середины 1850-х годов (было много переводов, и произведения его издавались отдельными книгами), то Новалис и его «голубой цветок», по существу, впервые стал крупным фактом историко-литературного процесса в России¹⁴⁵. У истоков этой «моды» на Новалиса, обусловленной общим возрастанием интереса к романтизму, должна быть поставлена книга И.И. Замотина ««Голубой цветок» в поэзии Жуковского. К истории романтических мотивов в русской литературе. Сравнительно-литературный очерк» (1902)¹⁴⁶. Почти все символисты берутся переводить Новалиса или писать о нем, его произведения – впервые в России – начинают выходить отдельными книгами¹⁴⁷. На фоне общего повышенного интереса к йенским романтикам в начале XX века вполне закономерно выходит переиздание в 1914 году знаковой для становления русской романтической (и философской) эстетики книги В. Вакенродера и Л. Тика «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л. Тиком», впервые опубликованной в 1826 году в переводе С.П. Шевырева, В.П. Титова и Н.А. Мельгунова, а также важной (то есть ставшей фактом русской культуры) монографии В.М. Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика» (1914), настолько проникнутого духом символистской эпохи, что в своей переоценке философии и эстетики йенских романтиков даже не посчитавшего нужным как-то соотноситься с классическим и широко известным трудом своего важнейшего предшественника-позитивиста Рудольфа Гайма¹⁴⁸. Пафос символизма отчетливо чувствуется и в другой важной монографии В.М. Жирмунского, посвященной гейдельбергским романтикам¹⁴⁹.

Возобновляется и усиливается интерес к Э.Т.А. Гофману¹⁵⁰; начиная с 1892 года (с публикации повести «Михаэль Кольхаас») в переводную русскую литературу входит Генрих фон Клейст, символисты (и идущие в это время рядом с ними другие писатели) признают его «своим», отдельными книгами выходят сборник прозы Клейста (1916) и драмы в переводах Ф. Сологуба (1914) и Б. Пастернака (1916). И уже после революции в издательстве «Всемирная литература» публикуется двухтомное собрание драм Клейста под редакцией Н.С. Гумилева и В.А. Зоргенфрея¹⁵¹. Рубеж веков в России настолько внимателен к немецкому романтизму, что собираются даже рассеянные по журналам публикации и дважды (1901; 1902) издаются на русском языке книги стихотворений швабского романтика Людвиг Уланда, которым заинтересовываются М. Волошин и А. Блок. В то же время сохраняется издательский и переводческий

интерес к Г. Гейне, которому тот же А. Блок уделяет – особенно после революции – достаточно много времени. В своем докладе (и затем в статье) «О романтизме» (1919) А. Блок обнаруживает знание работ крупнейших исследователей романтизма (Р. Гайм, О. Вальцель, В. Дильтей, В.М. Жирмунский) и делает на основании огромного собственного опыта и опыта всей литературной эпохи вывод о том, что символизм «связан с романтизмом глубже всех остальных течений»¹⁵².

Разумеется, не только немецкий (и европейский) романтизм интересовал российскую литературную общественность в рассматриваемые десятилетия. В этот период вообще издавалось поразительно много книг, в том числе и переводных. Например, «Сочинения» уже упоминавшегося в связи с И.С. Тургеневым Б. Ауэрбаха были изданы в 1900–1903 годах в шести томах. А, значит, находились и читатели. Ведь и сама русская литература начала XX века вовсе не исчерпывалась символистами. И все же прислушаемся еще раз к голосу современника той, уже далекой от нас, эпохи: «И в немецкой литературе мы встречаем в течение всего XIX века непрекращающееся влияние романтизма. Шопенгауэр, Вагнер и Ницше являются его главными носителями»¹⁵³. К этому списку сегодня нужно прибавить по крайней мере Ф. Геббеля, П. Хейзе, представляющего и бидермайер и неоромантизм, а также необычайно популярных у широкого российского читателя Ф. Шпилльгагена и Г. Эберса, чьи многотомные собрания сочинений неоднократно издавались в дореволюционной России. Проблема восприятия Вагнера в России к настоящему времени уже сравнительно неплохо изучена¹⁵⁴. Что же касается Ницше, которого активно переводили и обсуждали в России в 1890–1920-х годах, то объективное изучение его философской этики и его связей с Россией и русской культурой возобновилось (после 70-летнего перерыва) лишь на рубеже 1980–1990-х годов, и сегодня – наряду с многочисленными статьями частного характера – мы располагаем уже целым рядом обобщающих статей и книг¹⁵⁵. В то же время изучение связей Ницше с русской литературой и его восприятия самими русскими писателями еще ни в коей мере нельзя считать исчерпанным.

Оценивая связи российских литераторов и деятелей культуры с Германией, никак нельзя пройти мимо того факта, что Германия для многих из них в этот период нередко становилась «вторым домом», где они подолгу учились, путешествовали и жили. Немало русских художников, например, с 1896 года учились в художественной школе в Мюнхене (В. Кандинский, Д. Кардовский, И. Грабарь, А. Явленский, М. Веревкина и др.). История немецкого экспрессионизма (уже начиная с группы «Мост» в 1905 г.) вряд ли бы стала столь яркой и захватывающей без постоянного и активного участия во всех важнейших манифестах и выставках русских художников, прежде всего В. Кандинского, но не только его¹⁵⁶. В Германии учились и жили Б.Л. Пастернак и А. Белый, Вяч. Иванов и М. Цветаева, М. Пришвин и С. Кржижановский, М. Шагинян и А.В. Луначарский, К. Федин, А.А. Биск и А.Н. Толстой – и это только отдельные примеры. По разному сложились в дальнейшем судьбы этих писателей, но жизнь в Германии (а у некоторых также в Австрии и Швейцарии), так или иначе оставила глубокий след в их творчестве. В качестве примера укажем здесь лишь на Б.Л. Пастернака, который знал немецкий язык с детства и постоянно совершенствовал свои знания. Во время семейной поездки в Берлин в 1906 году «Боря занимался языком, усваивая особенности берлинского диалекта. Читал немецких романтиков, Гофмана, Жан-Поля Рихтера»¹⁵⁷. В 1912 году, уже будучи студентом, Б. Пастернак проводит весенне-летний семестр в Марбургском университете, активно занимаясь немецкой философией под руководством Г. Когена (1842–1918), Н. Гартмана (1882–1950) и П. Наторпа (1854–1924). Марбургская школа неокантианства была в то время, пожалуй, крупнейшей в Европе, и серьезные философские штудии, несомненно, наложили отпечаток на последующее творческое самоопределение Б. Пастернака. Не случайно, что уже в эти годы он пытается переводить Р.М. Рильке, с которым познакомился еще будучи мальчишкой и к которому в течение всей своей жизни сохранял благоговейно-восторженное отношение¹⁵⁸. Не без воздействия немецких романтиков и экспрессионистов написана первая фантастическая – и романтически-экспрессионистская по духу – новелла Б. Пастернака «Апеллесова черта», над которой он, видоизменяя замысел, работал с 1911 года и главным героем которой является Г. Гейне. Связи Б.Л. Пастернака с немецкой (и австрийской) культурой огромны и литературоведчески пока еще далеко не полностью освоены. И дело здесь не только в анализе самих переводов (Ганс Сакс, Гёте, Клейст, Гервег, Георг Гейм, И.Р. Бехер, Р.М. Рильке, Ф. Верфель), но в исследовании и выверенной оценке воздействия немецкой философии и литературы (и культуры в целом – ведь Пастернак великолепно знал немецкую и австрийскую музыку и живопись) на мировоззрение и творчество этого яркого и вполне самобытного писателя¹⁵⁹.

В Германии и Австрии первой четверти XX века самым мощным и всеохватным литературно-художественным движением был экспрессионизм, передавший в середине 1920-х годов «эстафету» «новой деловитости» (*Neue Sachlichkeit*) и магическому реализму. Параллельно развивались и традиционная буржуазно-демократическая (реалистическая) литература (Т. Манн, Г. Манн, Л. Фейхтвангер, С. Цвейг и др.), а также революционно-пролетарская литература, выраставшая в своих лучших проявлениях из экспрессионизма (и его последующих модификаций), но более или менее радикально разрывавшая с его «внепартийными» установками (Бехер, Брехт, Зегерс и др.). В России тоже постепенно формировалась

пролетарско-революционная литература (Д. Бедный, А. Серафимович и др.), но магистральная линия обновляющего движения литературы находилась до начала 1920-х годов между символизмом (во всех его модификациях) и футуризмом (со всеми его «боковыми отростками»). Сегодня практически невозможно спрогнозировать, как бы развивалась русская литература после Первой мировой войны, если бы ее органическое развитие не было прервано гражданской войной и большевистским террором, разбросавшим сотни и тысячи российских писателей (и вообще представителей научной и художественной интеллигенции) практически по всему земному шару. Уже поэтому послереволюционное развитие разделенной на несколько частей русской литературы представляет собой совершенно особый этап с точки зрения развития межлитературных отношений – сами эти отношения постепенно становились все более противостественными, отчужденными.

10

Но прежде чем перейти в этот новый период с его особыми «правилами игры», необходимо хотя бы кратко упомянуть еще об одном счастливом обстоятельстве (или факторе), обеспечившем интенсивное взаимообогащение русской и немецкой литератур в первые десятилетия XX века. Речь идет о переводчиках и пропагандистах русской литературы в Германии – людей с очень разными судьбами, но самоотверженно любивших русскую литературу и до конца жизни преданных своей миссии культурного посредничества между двумя великими народами.

Назовем несколько имен из числа важнейших. Артур Лютер родился в 1876 году в Орле в семье профессора гимназии, изучал славянскую и германскую филологию в Москве, Берлине, Мюнхене, Гейдельберге и Лейпциге, с 1914 года на три десятилетия «застрял» в Немецкой библиотеке в Лейпциге, отвечая за изучение русского языка в системе немецкой книготорговли, а также за организацию выставок, встреч с русскими писателями, составление издательских программ и т.д. При его активном участии (в том числе и в качестве переводчика) публиковались на немецком языке книги Н.В. Гоголя, Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, И.А. Гончарова, С.Т. Аксакова, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, А.П. Чехова, Л.Н. Андреева, И.А. Бунина, А.К. Толстого, И.С. Шмелева, М. Горького. Он написал для немцев широко известную «Историю русской литературы» (1924), опубликовал в 1901–1926 годах в немецких журналах огромное количество статей и рецензий о русской литературе, две монографии о Пушкине (Париж, 1937), «Краткую историю русской литературы от истоков до 1917 года» (1949). Умер А. Лютер в 1955 году в Баден-Бадене.

Александр Элиасберг родился в 1878 году в Минске, там же окончил гимназию, затем изучал физико-математические науки в Москве. В 1902 году переехал жить в Мюнхен (в 1914 г. познакомился с Т. Манном, которого «обучал» русской литературе). А. Элиасберг был корреспондентом символистского (брюсовского) журнала «Весы» (1904–1909), в 1907 опубликовал в своем переводе антологию «Современная русская поэзия», а затем издал многочисленные переводы произведений Д.С. Мережковского, Л.Н. Толстого, А.К. Толстого, И.С. Тургенева, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, А.С. Пушкина, М. Горького, Н.С. Лескова, И.Г. Эренбурга. Девяти томное издание Н.С. Лескова (1924–1927) завершил его коллега Иоганнес фон Гюнтер. А. Элиасберг написал также целый ряд популярных книг о русской литературе; умер в 1924 году в Берлине.

Уже упомянутый Иоганнес фон Гюнтер родился в 1886 году в Латвии, окончил русскую гимназию, в 1905 году переехал в Дрезден, затем в Мюнхен. В 1906 году во время поездки в Петербург лично познакомился со многими русскими символистами (поддерживал постоянные контакты с А. Блоком). В 1909–1913 годах входил в редакцию журнала «Аполлон», основанного как продолжение «Весов»; много ездил по России и принимал активное участие в литературной жизни; в 1914 году вернулся в Германию, умер в 1973 году. И. фон Гюнтер, став достаточно известным (и популярным) немецким писателем и издателем, навсегда вписал свое имя в историю русско-немецких литературных взаимосвязей. С 1907 года и до конца жизни он неутомимо и с конгениальным мастерством переводил русскую прозу и поэзию (А.А. Блок, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь, А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов, Н.С. Лесков, А.Н. Островский, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев и др.), составлял многочисленные антологии русской литературы, писал статьи и книги о ней. Его воспоминания являются ценнейшим источником по истории русско-немецких литературных взаимосвязей, а некоторые страницы (например, о встречах и разговорах с А. Блоком) – и самой русской литературы⁶⁰. Библиография переводов этого неутомимого и гениального труженика насчитывает сотни отдельных изданий. Его переводы издавались как в ГДР, так и в ФРГ и заслужили в обеих странах высшие правительственные награды.

И, наконец, Максимилиан Шик (1884–1968), родившийся и умерший в Москве. С семи лет он жил в Германии, окончил гимназию в Лейпциге. С 1901 года начал публиковать собственные произведения, статьи и переводы в немецкой прессе. Вернувшись в том же году в Москву, Шик увлекся русским символизмом, познакомился в 1902 году с В. Брюсовым, а затем и со многими другими писателями (К. Бальмонт, А. Белый и др.), став на некоторое время «гидом» В. Брюсова по немецкой литературе. В

1903 году Шик поступает в Берлинский университет (история искусств), публикует собственные стихи, переводы, статьи; близко сходится с некоторыми из будущих экспрессионистов, продолжая постоянную переписку с В. Брюсовым, который посвящает Шикку свои стихотворения и даже переводит стихи самого Шика¹⁶¹. Шик начинает активно работать на «оба фронта»: пишет статьи и корреспонденции для «Весов» В. Брюсова и широко публикуется в немецких изданиях. Активная и разносторонняя деятельность М.Я. Шика в Германии продолжается до 1907 года; в конце этого года он окончательно возвращается в Москву и до конца жизни переводит русскую литературу (Брюсов, Бальмонт, Пушкин, Лермонтов, Блок, Ахматова, Твардовский, Исаковский, Симонов, А. Толстой («Пётр Первый»), Бажов («Малахитовая шкатулка»), Катаев, Леонов, Паустовский...). Приведенные примеры достаточно показательны, хотя и не исчерпывающи¹⁶². История переводов немецкоязычной литературы на русский язык, естественно, изучена у нас более глубоко, хотя – особенно это касается переводов XX века – здесь исследователей ждет еще огромная работа¹⁶³.

11

Достигнутый в предреволюционные годы широчайший размах переводческой и издательской деятельности в России, интенсивное развитие личных контактов писателей и переводчиков, вообще значительное разветвление и увеличение масштабов литературно-художественных взаимосвязей с немецкоязычными странами – все это не было и не могло быть в одночасье угашено. И в годы мировой войны и в годы послевоенной разрухи продолжали переводиться и издаваться книги немецких авторов. Государственная коммунистическая идеология должна была еще целое десятилетие «душить» и изгонять интеллигенцию, чтобы значительно заузить диапазон переводимой литературы, добиваясь сведения его лишь к революционным и «прогрессивным» авторам. Унификация и стандартизация культурной жизни в СССР, давшая ощутимые результаты уже в 1930-е годы, достигла своего пика в 1940–1950-е годы, хотя после смерти И.В. Сталина идеологическая атмосфера все же стала постепенно разряжаться. А в 1920-е годы еще свободно, продолжая сложившуюся дореволюционную традицию, публиковались многочисленные переводы З. Фрейда¹⁶⁴, в 1922–1923 годах были опубликованы не только двухтомник Г. фон Клейста и «Генрих фон Офтердинген» Новалиса, но в издательстве «Academia» с предисловием В.М. Жирмунского вышла работа Оскара Вальцеля «Проблема формы в поэзии» (Петроград, 1923), а в Харькове в издательстве «Труд» А.И. Белецкий издает «Поэтику» Р. Мюллера-Фрейенфельса (1923). И еще в 1928 году в той же «Academia» В.М. Жирмунский издает сборник статей «Проблемы литературной формы», включивший в себя переводы новейших работ О. Вальцеля, В. Дибелиуса, К. Фослера и Лео Шпитцера. Но в 1930-е годы подобное случается уже все реже. Да и петроградские «Серапионовы братья», провозгласившие было «серапионов принцип» свободы фантазии и творческой независимости в искусстве, предпочли «саморапуститься», когда после выхода на русском языке четырех томов «Серапионовых братьев» Э.Т.А. Гофмана дальнейшее печатание собрания сочинений этого «реакционного» автора было запрещено. И хотя существует созданное М. Горьким издательство «Всемирная литература», отбор произведений для перевода все больше начинает определяться партийной принадлежностью иностранного писателя. На первое место постепенно выходит циничный атеист (и друг Карла Маркса) Генрих Гейне, который удостаивается в советскую эпоху трех собраний сочинений и бесчисленного множества менее масштабных изданий. С достойной тщательностью изданное собрание сочинений И.В. Гёте в 13-ти томах (1932–1949) заменяется в послевоенные годы значительно ухудшенным (то есть с недопустимыми ошибками составительского и комментаторского характера) десятитомником (1975–1980)^{164а}. Случай с Гёте по своему уникальный, свидетельствующий о падении издательской и литературоведческой культуры (в области германистики, по крайней мере), хотя с 1960-х годов, когда начинает выходить академическая «История немецкой литературы» и «Краткая литературная энциклопедия», отечественная германистика постепенно начинает оправляться после понесенных утрат... Но попытаемся более объективно рассмотреть то новое в русско-немецких взаимосвязях, что пришло на смену пестроте и многообразию этих связей в дореволюционный период.

Многообразные формы воздействия Великой Октябрьской социалистической революции на развитие мировой литературы постоянно изучалась советским литературоведением¹⁶⁵. В поле зрения неотступно находились проблемы генезиса социалистического реализма в различных странах и регионах¹⁶⁶, проблемы воздействия ленинского духовного наследия на историко-литературный процесс XX века¹⁶⁷, вопросы восприятия на Западе творчества крупнейших советских писателей¹⁶⁸. Столь же внимательно относилась советская наука к изучению теоретического наследия крупнейших представителей зарубежного марксистского литературоведения. Родина марксизма – Германия, естественно, привлекала особое внимание. В многочисленных работах исследовались суждения К. Маркса и Ф. Энгельса по различным проблемам теории и истории литературы¹⁶⁹. Постоянно издавалось и изучалось творческое наследие Франца Меринга, Розы Люксембург, Клары Цеткин и других немецких марксистов, занимавшихся проблемами литературы и искусства¹⁷⁰.

В 1920-е годы большой интерес у советских читателей вызывали левые экспрессионисты: Эрнст Толлер, Георг Кайзер, Леонгард Франк, Эрих Мюзам, Иоганнес Р. Бехер, которые тогда неоднократно издавались на русском языке. Бехер постепенно отошел от экспрессионизма и уже в 1920-е годы стал выдающимся организатором движения пролетарских революционных писателей Германии. Союз пролетарско-революционных писателей Германии, основанный в 1928 году, поддерживал постоянные и активные контакты с советскими писателями. В 1930-е годы на русском языке неоднократно публиковались произведения Ганса Мархвицы, Эриха Вайнерта, Людвиг Ренна, Анны Зегерс, Бертольта Брехта, Фридриха Вольфа и других.

Для установления и развития русско-немецких отношений в области культуры после Великой Октябрьской социалистической революции огромное значение имела разносторонняя деятельность А.В. Луначарского (1875–1933). Начиная с 1895 года (учеба в Цюрихском университете) он постоянно, иногда и подолгу, бывал во Франции, Италии, Германии, Швейцарии и наряду с большой партийной работой систематически углублял свои знания литератур и культур Запада. Как переводчика и писателя Луначарского больше интересовали сюжеты возвышенные, с глубоким философским и социальным подтекстом. Почти всю жизнь, например, его занимала тема «Фауста» Гёте, которому он посвятил одну из своих первых статей по немецкой литературе (1903). В 1918 году Луначарский опубликовал пьесу «Фауст и город», начатую еще в 1906 году, где изобразил Фауста во главе строительства нового свободного города. Луначарский увлекся творчеством многих немецких писателей – от Гёльдерлина, Ленау и К.Ф. Мейера до современных ему немецких натуралистов и экспрессионистов. Во время пребывания в Берлине в 1925 году Луначарский познакомился со многими представителями левой интеллигенции, в том числе с И.Р. Бехером, Г. Гроссом, Э. Пискактором и другими. На основе изучения огромного фактического материала Д. Ангрес пришла к выводу о том, что «трудно переоценить воздействие, которое Луначарский оказал на немецкую общественность, особенно с 1919 по 1926 годы. Влияние Луначарского можно назвать почти сенсационным. Многие представители прогрессивной буржуазной интеллигенции только благодаря Луначарскому выработали отношение к пролетарской революции в России»¹⁷¹.

В годы Веймарской республики русско-немецкие литературные связи развивались относительно свободно¹⁷². Но ситуация резко изменилась после прихода к власти Гитлера. Многие прогрессивные немецкие писатели – и не только коммунисты – были арестованы и брошены в тюрьмы и концлагеря. Кому-то из них, как В. Бределю, удалось вырваться, но многие известные писатели – Эрих Мюзам, Карл Осецкий и другие – были зверски убиты или замучены фашистами.

По всему свету разбросала судьба немецких писателей-антифашистов, которым удалось эмигрировать из гитлеровской Германии, и везде они в меру своих сил боролись за поражение фашистского режима, за будущую свободную, миролюбивую и демократическую Германию. В боях за свободу Испании участвовали Бодо Узе, Вилли Бредель, Эрих Вайнерт, Эрих Арендт, Эдуард Клаудиус, Стефан Херmlin, Вальтер Горриш, Людвиг Ренн и многие другие немецкие писатели, здесь укрепилась их дружба с советскими писателями, принимавшими участие в национально-революционной войне в Испании.

Для многих крупнейших немецких революционных писателей XX века – И.Р. Бехера, Э. Вайнерта, В. Бределя, Ф. Вольфа и других – Советский Союз стал в годы фашизма в Германии второй родиной. В СССР они создали многие свои лучшие произведения, здесь же издавались немецкие журналы и книги. 12–13 июля 1943 года по инициативе ЦК КПГ из числа немецких антифашистов, находившихся в эмиграции в СССР, был создан Национальный комитет «Свободная Германия», проводивший большую политическую и организационную работу. Во главе национального комитета стал пламенный революционер поэт-трибун Эрих Вайнерт, активную работу вели также В. Бредель, Ф. Вольф, И.Р. Бехер. Естественно, что период борьбы с фашизмом составляет особую страницу в истории русско-немецких литературных связей и активно изучался после Второй мировой войны¹⁷³.

Судьбы – нередко трагические – русских эмигрантов в Германии и немецких эмигрантов в России – особая страница в истории русско-немецких взаимосвязей. Трагизм состоял уже в самом факте эмиграции, не добровольной, но вынужденной в силу сложившихся историко-политических обстоятельств. Собираением материалов по истории русской эмиграции долгое время занимались сами эмигранты – в СССР подобные исследования были под запретом, а если порой что-то и публиковалось, то это были лишь счастливые исключения.

Особую роль на начальном этапе «первой волны» русской эмиграции (1919–1923) сыграла Германия и, прежде всего, Берлин, где (по подсчетам Г.Э. Фолькмана и М.В. Назарова) проживало в 1922–1923 годах русских эмигрантов «около 600 000, из них 360 000 в Берлине»¹⁷⁴. Особую роль Берлина в названный период подчеркивают практически почти все исследователи общей проблематики российской эмиграции. «Существенное отличие «русского Берлина» от, скажем, «русского Парижа», «русской Праги», «русского Харбина» и других литературных столиц межвоенной эмиграции состоит как раз в беспрецедентной интенсивности «диалога» метрополии и эмиграции внутри данного острова русской культуры. «Диалог» этот выразился в различных формах неожиданного симбиоза противостоявших друг дру-

гу литературных и общественных сил, в лихорадочной их перегруппировке, калейдоскопической пестроте культурных антреприз, но более всего – в характере деятельности причастных к «берлинскому периоду» литераторов. Поэтому история новейшей русской литературы немыслима вне изучения специфического опыта русского Берлина, и ни один историк или литературовед не может пренебречь этим моментом «двойной жизни» русской литературы, обозначившим собой резкий перелом в биографиях ряда русских писателей, ученых, философов»¹⁷⁵.

В 1920-е годы значительно укрепляются творческие связи немецкого и русского авангарда. Затем эти связи нередко перерастали в глубокую привязанность и дружбу, как это случилось с Б. Брехтом и С. Третьяковым. Однако сталинские репрессии 1930-х годов коснулись не только советских писателей, но и немецких эмигрантов. К сожалению лишь в годы «перестройки», когда исследователи добрались до архивов, мы смогли узнать многие подробности о последних годах жизни невинно осужденных людей, искренне веривших в социализм и работавших для него. В числе наиболее документированных и концептуально продуманных публикаций последних лет на эту тему – статьи и книги В.Ф. Колязина, блестящего знатока литературы и театра, обнаружившего и опубликовавшего немало потрясающих архивных документов¹⁷⁶. Среди погибших в советских тюрьмах и лагерях был, к примеру, и Херварт Вальден (1878–1941), один из виднейших деятелей немецкой культуры 1910–1930-х годов, издатель самого долговечного экспрессионистского журнала «Штурм» (Sturm, 1910–1932), безоговорочный сторонник социализма и Советского Союза... Арестовывали почти всех, кто отказывался быть стопроцентным догматиком (что было не так-то просто при постоянно «вливающей» генеральной линии партии) или попадал в «черные списки» по доносу или даже случайно – для развертывания очередной кампании против «врагов народа». К числу жертв сталинизма относится и Франц Петрович Шиллер (1898–1955), происходивший из поволжских немцев и ставший в 1930-е годы одним из крупнейших советских литературоведов¹⁷⁷. Он был арестован в 1938 году и умер в ссылке от туберкулеза и истощения¹⁷⁸. К тем, кто был расстрелян или умер в тюрьмах и лагерях, прибавлялись и погибшие в годы Второй мировой войны... В этом же контексте необходимо упомянуть и Георга (Дьёрдя) Лукача (1885–1971), родившегося под счастливой звездой, подвергавшегося арестам и гонениям, но все же избежавшего смерти. Венгр по рождению, он стал немецким философом, литературоведом и критиком (и писал по большей части на немецком языке). Он подолгу жил как в Германии, так и в СССР и оказал заметное влияние на литературоведение и критику в обеих странах. Из огромного моря литературы о Лукаче укажем лишь на монографию А.С. Стыкалина «Дьёрдь Лукач – мыслитель и политик» (М., 2001), включившую в себя материалы длительных архивных разысканий и снабженную развернутыми комментариями.

12

После 1945 года наступает новый этап в немецко-русских литературных взаимоотношениях. Одна из особенностей его в том, что часть потерпевшей поражение Германии (Советская зона оккупации, 1945–1949; ГДР, 1949–1990) вплоть до присоединения ГДР к ФРГ в 1990 году находилась в очевидной зависимости от СССР¹⁷⁹, а в сфере культуры – от советской идеологии. Культурные контакты между ГДР и СССР были достаточно интенсивными, но односторонними – у ГДР фактически не было собственной культурной политики: СЕПГ проводила (только еще более жестко и догматично) идеологическую политику, во многом схожую (цензура, многоуровневый идеологический контроль и т.д.) с идеологической политикой КПСС. После подавления советскими танками «контрреволюционного путча» в 1953 году¹⁸⁰ В. Ульбрихт сумел не допустить в ГДР «хрущевскую оттепель», а Э. Хонеккер – «пражскую весну» и даже «горбачевскую перестройку»¹⁸¹.

При всех сложностях идеологической и общекультурной ситуации в ГДР и СССР, затруднявших естественное развитие самой культуры и литературных взаимосвязей, сами эти взаимосвязи развивались весьма интенсивно в силу включенности ГДР в социалистическое содружество государств и в Варшавский договор (1955). К власти в ГДР пришли антифашисты и коммунисты, в основном отобранные и подготовленные в СССР в годы антифашистской эмиграции (В. Ульбрихт, И.Р. Бехер и др.), крупными писателями ГДР нередко становились люди, прошедшие войну и «перевоспитание» в советских лагерях для военнопленных (Ф. Фюман, Г. Кант, М.В. Шульц, Г. Гёрлих, Э. Нойч, В. Гайдучек, А. Мецкес и т.д.), в школах и гимназиях ГДР русский язык изучался как обязательный предмет (из этих школьников впоследствии выросли хорошие переводчики русской литературы), контакты между союзами писателей обеих стран были более интенсивными, чем аналогичные контакты с ФРГ, Австрией и Швейцарией. Эти существенные факторы (различия) четко обозначились уже в первые послевоенные годы, когда книжный рынок восточной зоны заполнили переводы произведений русских и советских писателей, а в западных зонах интенсивно переводились и издавались, в первую очередь, американские писатели¹⁸². Хотя традиционно сильная в Германии славистика продолжала развиваться и в ФРГ, где работают такие выдающиеся слависты, как Ганс Роте (род. в 1928 году), Лудольф Мюллер, Рольф Дитер Клюге и многие другие. Л. Мюллер (1917–2009), например, с 1947 года написал и издал десятки книг о русской истории, истории

русской церкви и – главным образом – о русской литературе и искусстве¹⁸³. Тематика его книг простирается от многотомных фундаментальных исследований «Повести временных лет» и «Слова о полку Игореве» до Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева и русской литературы XX века. Столь же широк и диапазон его переводческой деятельности, достаточно сказать, что он перевел «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» (его перевод был по счету пятнадцатым немецким переводом), все стихотворения Ф.И. Тютчева и В.С. Соловьева и еще многое-многое другое. Рольф Дитер Клюге (род. в 1937 году), говорящий практически на всех славянских языках, является великолепным знатоком творчества И.С. Тургенева, А.П. Чехова, А.А. Блока и – далее – всего русского «серебряного века». Немецкие слависты и переводчики в целом очень много сделали для восстановления плодотворного диалога немецкой и русской культур. Нельзя не упомянуть и Вольфганга Казака (1927–2003), посвятившего всю свою послевоенную сознательную жизнь изучению русской литературы, особенно литературы XX века; основным итогом этих занятий стал *Lexikon der russischen Literatur ab 1917*, неоднократно издававшийся в ФРГ (1976. 1986. zweite erweiterte Auflage. – München, 1992) и переведенный на русский язык: *Лексикон русской литературы XX века*. М.: Культура, 1996 (русское издание доработано и дополнено)^{183а}. Из современных австрийских славистов можно упомянуть Гертрауд Маринелли-Кёниг, которая в течение нескольких десятилетий изучает австрийскую газетную и журнальную прессу, отыскивая редкие и забытые материалы и свидетельства о культурных связях со славянскими народами. Подготовленная ей книга «Русская поэзия в немецких переводах домартовского периода» (М.: Вахазар, 2003) – несомненно, предлагает ценнейший материал для написания истории переводов русских поэтов на немецкий язык (например, ода Г.Р. Державина «Бог» была за означенный период переведена на немецкий язык трижды, и все три найденные переводы в книге опубликованы).

Активно развивалась после Второй мировой войны и советская германистика. В 1950–1970-е годы она набирала потенциал, постепенно – не без рецидивов – преодолевая глубоко укоренившийся вульгарный социологизм: начиная от В.М. Жирмунского (1891–1971), Б.И. Пуришева (1903–1989), Н.Я. Берковского (1901–1972) до германистов, вступивших в науку уже после войны: В.П. Неустроева (1911–1986), С.В. Тураева (1911–2008), И.М. Фрадкина (1914–1993), А.С. Дмитриева (1921–2001), А.Б. Ботниковой (род. 1924 году), Н.С. Павловой (род. 1932 году), Е.А. Зачевского (род. 1935 году), В.Д. Седельника (1935–2016), А.В. Карельского (1936–1993) и многих других. О том, что настоящая наука может все же развиваться вне идеологической конъюнктуры, свидетельствует беспримерное научное творчество Александра Викторовича Михайлова (1938–1995), германиста-универсала, философа, искусствоведа, эстетика, переводчика и комментатора многих важнейших текстов немецкой культуры¹⁸⁴. Многие германисты, входя в редакционные советы различных издательств, способствовали подготовке и «пробиванию» (в эпоху «застоя» это слово – и связанное с ним понятие, – перенесенное из быта в сферу культуры, было весьма распространенным) многих важных произведений и даже собраний сочинений немецких, австрийских и швейцарских авторов. Перечисление только важнейших изданий, осуществленных после 1945 года, заняло бы многие страницы, поэтому я отсылаю к мною же составленным библиографиям¹⁸⁵. Библиографии эти заведомо неполны, но других, к сожалению, пока нет (я имею в виду здесь сконцентрированную наглядность и доступность для обозрения – вообще-то в мире много фундаментальных библиографий, и если потратить достаточно времени, то, конечно же, можно отыскать гораздо больше, чем пока удалось собрать и опубликовать мне). Попыток обобщенного обозрения послевоенных литературных взаимосвязей пока тоже немного¹⁸⁶, но эта работа идет и у нас и на Западе¹⁸⁷ и рано или поздно принесет свои результаты.

13

Завершая этот краткий обзор, необходимо хотя бы несколько слов сказать об изменениях в русско-немецких литературных отношениях после 1985 года, то есть в период все еще продолжающейся у нас «перестройки». Свобода слова и передвижения, казалось бы, должны были принести огромные плоды. Но обнищание государственных издательств, развал отлаженного книжного рынка и некоторые другие факторы поначалу свели упомянутые преимущества почти на нет. Но все же лишь «перестройка» позволила опубликовать восьмитомное собрание сочинений Г. Гессе (1994–1995), четырехтомники Ф. Кафки (1995) и Г. Грасса (1997), романы и эссе Эрнста Юнгера (1895–1998) и его брата Фридриха Георга Юнгера (1898–1977), произведения Готфрида Бенна (1886–1956) и многих других – не говоря уже о многочисленных изданиях Ф. Ницше, К.Г. Юнга и З. Фрейда. С «перестройкой» же совпали и два крупных издательских проекта. Первый из них был осуществлен в Германии: Вуппертальский проект «Германия и немцы глазами русских» и «Россия и русские глазами немцев» (по 6 томов в каждой серии в 1985–2006 гг.) возглавлял известный российский литературовед и писатель Л.З. Копелев (1912–1997), ставший в силу исторических обстоятельств (сталинские лагеря и последующая насильственная высылка из СССР) гражданином ФРГ¹⁸⁸. Второй разрабатывается в России под эгидой Российской академии наук: «Немцы в России: Русско-немецкие научные и культурные связи»¹⁸⁹. Оба эти проекта потребовали для

своего осуществления очень большого количества авторов – как в Германии, так и в России, – и помимо того, что сами они обработали и обобщили огромный, порой трудоемкий и малодоступный, материал, стали очень важным обнадеживающим свидетельством того, что российско-немецкие (а также российско-австрийские и российско-швейцарские¹⁹⁰) научные и культурные связи имеют реальные перспективы дальнейшего плодотворного развития.

Немаловажную роль для сохранения и развития научного сотрудничества российских и немецких германистов сыграло создание Российского союза германистов на учредительном съезде в ноябре 2003 года, объединившем сразу же свыше 150 ученых и преподавателей высшей школы. Этот союз стал «крупнейшим среди аналогичных профессиональных сообществ за пределами Германии»¹⁹¹ и во многом способствовал не только консолидации российских германистов, но и укреплению международного научного сотрудничества, – не в последнюю очередь потому, что был организационно и материально поддержан Германской службой академических обменов (ДААД). Этот союз стал проводить ежегодные конференции в разных городах России и издавать ежегодники «Русская германистика» (10 томов в 2004–2013 годах) и другие сопутствующие издания¹⁹². Следует подчеркнуть, что научные издания, конференции и организационная работа Союза российских германистов реально способствуют укреплению и дальнейшему развертыванию научного сотрудничества и росту научных кадров.

В качестве предварительного итога данного варианта очерка немецко-русских и русско-немецких литературных связей приходится отметить, что он до сих пор остается единственной попыткой концептуально охватить эти связи на всем протяжении их развития, хотя автор ни в коей мере не ставил и не мог ставить своей целью назвать и оценить все факты, все труды и все имена. Особенно это касается последних десятилетий: создается ощущение, что несмотря на все материальные трудности перестроечного и постперестроечного периодов российская германистика количественно весьма бурно развивается (меня бесконечно радуют обширные перечни коллективных трудов и монографий по литературоведению и языкознанию российских филологов, которые мне ежегодно и любезно присылает А.В. Белобратов), развивается не только в Москве (ИМЛИ РАН: В.Д. Седельник, Т.В. Кудрявцева, А.А. Стрельникова, И.Н. Лагутина и др.), РГГУ (Н.С. Павлова и др.) и Петербурге (Е.В. Зачевский, А.В. Белобратов, А.И. Жеребин и др.), но и во многих других университетах Российской Федерации, в частности, нельзя не упомянуть калининградскую ветвь германистики (В.И. Грешных (1941–2012), В.Х. Гильманов и др.), книги и статьи о немецком и русском экспрессионизме Н.В. Пестовой (Екатеринбург), глубокое освоение венского модерна в трудах Ю.Л. Цветкова (Иваново), в Смоленске давно и продуктивно работает Р.В. Гуревич – да всех и не перечислить... Из белорусских германистов необходимо упомянуть Е.А. Леонову и Г.В. Синило, статьи и книги которых публикуются как в Беларуси, так и в России. Особенно же отрадно то, что посмертно продолжают выходить книги и другие работы так рано ушедших от нас А.В. Карельского, А.В. Михайлова, и они незримо, но вполне ощутимо продолжают присутствовать в современной духовной жизни.

14

При всей краткости предлагаемого очерка истории русско-немецких и немецко-русских литературных взаимосвязей (с минимальными отсылками к историческому и общекультурному контекстам) необходимо хотя бы пунктирно обозначить некоторые смежные области исследований, которые не нашли целостного отражения в данной работе и тем не менее являются неотъемлемой составной частью исследуемых взаимосвязей. Таких смежных областей достаточно много, и я укажу лишь на некоторые из них. *Во-первых*, это история художественных переводов немецкой литературы на русский язык и русской литературы на немецкий язык. Сами по себе эти области уже давно и всё более пристально изучаются, стремительно возрастает количество работ по самым различным аспектам данной проблематики (теория перевода¹⁹³, история перевода¹⁹⁴, коллективные академические труды, отдельные монографии, сборники статей и статьи, посвященные отдельным периодам¹⁹⁵, группе избранных авторов¹⁹⁶, отдельным проблемам¹⁹⁷ или отдельным переводчикам¹⁹⁸), и всё же целостной истории переводов русской литературы на немецкий язык или немецкой литературы на русский язык пока не существует. То же можно сказать и о немецких славистах, создавших немало монографий об отдельных писателях и об их судьбах в Германии, а также статей, непосредственно относящихся к переводу¹⁹⁹. В истории переводной литературы принимали и принимают участие сотни и тысячи переводчиков, талантливых и бесталанных, сделавших художественный перевод делом всей своей жизни или обращавшихся к нему эпизодически, так сказать, «попутно» – всё это и многое другое должно в истории переводной литературы органично вписываться в контекст истории национальной литературы, поскольку переводная литература является своеобразным «притоком» национальной литературы, и настоящий переводчик может внести в национальную литературу не меньший вклад, чем писатель, особенно если писатель и переводчик взаимно дополняют друг друга (В.А. Жуковский, И.А. Бунин – «Песнь о Гайавате», Б.Л. Пастернак – «Фауст», Н.А. Заболоцкий – «Ивиковы журавли» и т.д.). Для подобной истории перевода должны вырабатываться взвешенные оцен-

ки качества, поскольку востребованность иностранного писателя ввиду его новизны и актуальности далеко не всегда напрямую связывается с качеством перевода.

Во-вторых, это систематизированная и обобщенная история личных контактов (в ряде случаев переходивших в глубокую привязанность и дружбу) русских писателей с немецкими коллегами и немецких писателей с русскими, рассмотренная с точки зрения взаимодействия и взаимообогащения национальных культур. И здесь – при огромном количестве отдельных разработок²⁰⁰, – систематизированной и обобщенной работы еще не написано. *В третьих*, Россия (как тема немецких писателей) и Германия (как тема русских писателей) представляют собой огромное и еще очень мало вспаханное поле для серьезных научных исследований, большинство работ посвящено отдельным писателям или даже отдельным произведениям, но лишь систематизированная и концептуальная история взаимоотношений (сначала, естественно, написанная по отдельности для каждой литературы) может дать возможность сделать действительно основательные и научные выводы. Ни Вуппертальский проект Льва Копелева, ни другие упоминавшиеся в данном очерке проекты данную задачу пока не выполнили, хотя это никак не может умалить историческое значение этих проектов.

15

Особую проблему в изучении русско-немецких и немецко-русских литературных взаимосвязей представляет собой история русской литературной эмиграции в целом и в XX веке в особенности. В данном очерке мы смогли осветить ее лишь в самом общем плане. Но если вспомнить, с какими огромными (практически так и не преодоленными) трудностями столкнулись редколлегия и авторы «Истории всемирной литературы» (тт. 1–8, 1983–1994), когда они подготовили и хотели издать девятый том, который должен был осветить историю всемирной литературы после 1917 года, то проблема станет понятнее. (Я своевременно подал в редколлегию заказанную мне главу «Серболужицкая литература» и принимал участие в нескольких обсуждениях отдельных разделов и глав). Девятый том так и не был издан по целому ряду причин, но насколько я представляю себе эту давнюю уже ситуацию, с наибольшими сложностями столкнулись авторы разделов по русской литературе, которая после 1917 года разделилась (политически и идеологически) на два различных потока (советская литература и русская литература в эмиграции), и – хотя контакты между этими потоками окончательно не прерывались – в течение всего советского периода русская литература как единая и неделимая часть единой русской культуры в литературоведении уже не рассматривалась (по крайней мере в литературоведении советском). За прошедшие после распада Советского Союза десятилетия было издано немало книг справочного и энциклопедического характера²⁰¹, а также учебников и учебных пособий, где тем или иным способом присутствуют под одной обложкой писатели русской эмиграции и советские русские писатели. Но концептуальной академической истории единой русской национальной литературы XX века до сих пор не существует, и причины этого – не только в огромном объеме необходимой предварительной работы²⁰². Ведь и немцы до сих пор не могут написать концептуальную академическую историю немецкой литературы XX века... Естественно, что в концептуальном, а зачастую и в практическом планах история русско-немецких и немецко-русских литературных взаимосвязей в XX веке не может быть по-настоящему написана при отсутствии научно обоснованных академических историй русской (русскоязычной) литературы XX века и немецкой (немецкоязычной) литературы XX века, хотя бы как-то в научном плане соотносимых друг с другом – при всём возможном и допустимом различии методик исследования...

В качестве обнадеживающего побудительного примера для дальнейших исследований необходимо упомянуть итоговую монографию Юргена Лемана «Русская литература в Германии. Ее восприятие немецкоязычными писателями и критиками с XVIII века до современности», изданную в 2015 году в авторитетном издательстве «Метцлер»²⁰³. Ю. Леман – известный славист, уже несколько десятилетий разрабатывающий самые различные аспекты немецко-русских и русско-немецких литературных взаимосвязей Нового времени, что прекрасно просматривается в собранной им обширной библиографии по теме (с. 359–401), включающей 775 наименований книг и статей, посвященных рецепции русской литературы в Германии (а фактически также в Австрии и Швейцарии). Эта книга – настоящий подарок для всех, кто активно занимается или даже просто интересуется данной проблематикой. Книга построена весьма продуманно, с привлечением необходимого исторического и политического контекста, и при чтении, может быть, больше всего поражает то, что, вмещающая огромное количество конкретных фактов, имен и названий, она отнюдь не превращается в назойливый реестр, а читается как связанное и плавно идущее увлекательное повествование. Искусство автора состояло в тщательном отборе фактов, в умелом чередовании энциклопедической и исследовательской формы подачи материала, отдельные разделы и параграфы посвящаются тем крупным авторам, для которых рецепция русской литературы имела судьбоносный или по крайней мере этапный смысл: Г. Гауптман, Т. Манн, Р.М. Рильке, Г. Гессе, Ф. Кафка, Б. Брехт, П. Целан, Т. Бернхард, Г. Бёлль, А. Зегерс, Х. Мюллер, К. Вольф, Ф. Браун, и так далее – оказывается, таких писателей было немало. Но Ю. Леман во Введении недвусмысленно подчеркивает, что он и не ставил своей

целью дать весь спектр рецептов и рецепиентов, но стремился выделить важнейшие тенденции и проиллюстрировать их на конкретных примерах. При этом видно стремление к объективности, например, в анализе «русских» романов Э. Двингера. О научной добросовестности автора свидетельствует и то, что он сам оговаривает, какие проблемы и аспекты он сознательно опустил из рассмотрения в своей книге. Обширный именной указатель позволяет использовать книгу как справочник. Особенно утешительно для меня звучат слова Ю. Лемана, сказанные во Введении: «Перед каждым, кто обращается к истории русской литературы в Германии, Австрии и Швейцарии, открываются огромные возможности для новых открытий и новых оценок»²⁰⁴. Что уж тогда говорить о моем «кратком очерке», хотя и на него у меня ушло немало времени?..

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Тут сказал Илья, король русский, который был там самым знатным после Ортнита: “Я знаю одну даму, красавицу и благородного происхождения, но не было еще ни одного мужчины, который сватался к ней и остался в живых”». См.: *Das deutsche Heldenbuch: Auswahl mit verbindender Erzählung*. Hrsg. von E. Henrici. – Berlin und Stuttgart, 1883. – S. 3.

² *Пауто В.Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). – М., 1956. С. 78–81; См. также: *Рыбаков Б.А.* О культуре Древней Руси. – М., 1984. – С. 4–16; Особое внимание в последние десятилетия привлекают многочисленные работы А.В. Назаренко, тщательно разрабатывающего историю домонгольской Руси, см. обобщающий труд: *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). – М., 2009 (библиография С. 410–464).

³ См. также: *История всемирной литературы*. – М., 1984. – Т. 2. – С. 526.

⁴ См.: *Мелетинский Е.М., Гуревич А.Я.* Германо-скандинавская мифология // Мифы народов мира. – М., 1980. – Т. 1. – С. 284–292.

⁵ Еще А.Н. Пыпин указал на тот факт, что и русская летопись также «упоминает, хотя одним только словом, «поганого злого Дедрика», под которым надо разуметь Дитриха Бернского», см.: *Пыпин А.Н.* История русской литературы. – СПб., 1902. – Т. 1. – С. 148.

⁶ *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). – М., 1984. – С. 86. Здесь имеется в виду почти поголовное уничтожение племени бургундов во главе с королем Гундахаром (король Гюнтер в «Песни о Нибелунгах») в двух сражениях (435 и 436 гг.) с объединенными войсками гуннов и римлян. А. Хойслер, не отрицая отражения в сюжете «Песни о Нибелунгах» гибели бургундского королевства, все-таки «центром действия» поэмы считал «битву народов на Каталунских полях» в 451 г., когда Аттила и его союзники потерпели серьезное поражение от войск римлян. См.: *Хойслер А.* Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. – М., 1960. – С. 346–348.

⁷ *Das deutsche Heldenbuch*. – S. 221.

⁸ Подробное изложение различных преданий и версий см.: *Grundriss der germanischen Philologie / Hrsg. von Paul H.* – 1. Abt. Bd. 2. – Strassburg, 1893. – S. 38–40. См. также: *Кирпичников А.* Поэмы ломбардского цикла: (Опыт сравнительного изучения западного и русского эпоса: О поэме «Король Ротер», «Ортнит», «Вольфдитрих» и др.). – М., 1872. – 208 с. См. также: замечания В.М. Жирмунского в статье «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса» // *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. – Л., 1979. – С. 265–268.

⁹ Это отчетливо чувствуется уже в одной из первых специальных работ по данной теме: *Полевой П.* Опыт сравнительного обозрения древнейших памятников народной поэзии германской и славянской. – СПб., 1864. – 106 с. Одна из значительных работ по рассматриваемой теме: *Робинсон А.Н.* Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья (XI–XII вв.): Очерки литературно-исторической типологии. – М., 1980. – 336 с. Исторические взаимосвязи Древней Руси и средневековой Германии в последние десятилетия (с применением конкретно-исторических и типологических методов) особенно активно исследует А.В. Назаренко, см.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Международные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. – М., 2001. – 784 с.

¹⁰ См. подробнее: *Робинсон А.Н.* Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья. – С. 122–123. В свое время при комментировании текстов и переводов немецких народных баллад нам приходилось обращать внимание на некоторые из многочисленных сюжетных параллелей немецких и скандинавских баллад со славянскими, в том числе и русскими, балладами. См.: *Немецкие народные баллады. На немецком и русском языках. Составление, предисловие и комментарии А.А. Гугнина.* – М., Радуга, 1983. – 415 с.

¹¹ *Жирмунский В.А.* Сравнительно-историческое изучение фольклора // *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. – Л.: Наука, 1979. – С. 188.

¹² *Путилов Б.Н.* В кн.: *Былины.* – Л., 1957. – С. 456.

- ¹³ Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. – С. 261.
- ¹⁴ История всемирной литературы. – М., 1983. – Т. 1. – С. 520.
- ¹⁵ Historie von Alexander dem Grossen. Hrsg. von W. Kirsch. – Leipzig, 1984. – S. 190.
- ¹⁶ Historie von Alexander dem Grossen. – S. 193; Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart. Bd. 1. Halbbd. 2. – Berlin, 1976. – S. 735–740; S. 1004–1005.
- ¹⁷ Лихачев Д.С. Первые семьсот лет русской литературы // Изборник. (Сборник произведений литературы Древней Руси). – М., 1969. – С. 19. О культуре Византии как «наследнице греко-римского мира и эллинистического Востока» см.: Культура Византии. IV – первая половина VII в. – М.: Наука, 1984. Цитата из «Введения». – С. 5.
- ¹⁸ Пытин А.Н. История русской литературы. – СПб., 1911. – Т. 2. – С. 484.
- ¹⁹ См.: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. – М., 1982. – С. 684–685.
- ²⁰ Пытин А.Н. История русской литературы. – Т. 2. – С. 484–485, 540. См. также: История русской литературы. – М.-Л., 1945. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 290–292.
- ²¹ Текст песни и комментарии см.: Немецкие народные песни. На немецком и русском языках. Составление А.А. Гугнина. Предисловие Б.И. Пуришева. Комментарии Т. Анищук. – М.: Радуга, 1983. – С. 23–24; 26–32; 407–409.
- ²² Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси). – М., 1969. – С. 757–758. О новгородском издании повести «Двоесловие живота и смерти, сиречь стяжание животу с смертию» см. также: История русской литературы. – М.-Л., 1945. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 292–294.
- ²³ Изборник. – С. 464.
- ²⁴ См. подробнее: Пытин А.Н. История русской литературы. – Т. 2. – С. 492–528. См. также: Орлов А.С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII–XVII веков. – Л., 1934. – С. 169.
- ²⁵ См. подробнее: История русской литературы. – М.-Л., 1948. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 103–109. Здесь, в частности, подтверждаются наблюдения А.Н. Веселовского о том, что белорусский перевод был сделан, по-видимому, с итальянского языка, хотя не отвергается до конца и промежуточный – сербский – вариант повести (до сих пор не обнаруженный).
- ²⁶ *Thüring von Ringoltingen*. Die Historie von der schönen Melusina. – Leipzig, 1979. – S. 138.
- ²⁷ О богатейшей судьбе этого романа, «с 1478 года переиздававшегося на разных языках около двухсот раз», см. также: История русской литературы. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 377–381.
- ²⁸ История русской литературы: В 4-х т. – Л., 1980. – Т. 1. – С. 354. См. также: Кузьмина В.Д. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. – М., 1964. – 355 с.
- ²⁹ См.: Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание Альберта Шлихтинга». – Л., 1934. – С. 15.
- ³⁰ См. подробнее: Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков: Из истории международных культурных связей России. – Л., 1980. – С. 167 и сл.
- ³¹ Там же. – С. 218.
- ³² Там же. – С. 227.
- ³³ Там же. – С. 223.
- ³⁴ Косминский Е.А. Историография средних веков, V в. – середина XIX в. – М., 1963. – С. 93.
- ³⁵ См. подробнее: Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. – С. 243–244.
- ³⁶ Там же. – С. 246–252.
- ³⁷ Русский перевод «Московской хроники» и немецкий оригинал см.: Буссов К. Московская хроника, 1584–1613. – М.-Л., 1961. – 400 с.
- ³⁸ Лихачев Д.С. Семнадцатый век в русской литературе // XVII век в мировом литературном развитии. – М., 1969. – С. 326–327.
- ³⁹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е, доп. – М., 1979. – С. 357.
- ⁴⁰ «Великому граду Москве», «Москве-реке», «Москве», см.: Русский сонет: Сонеты русских поэтов XVIII – начала XX века. – М., 1983. – С. 30–32. Другие произведения П. Флеминга на русскую тему см.: Flemming P. Sei dennoch unverzagt: Gedichte. Berlin, 1977. См. также роман немецкого писателя Уве Бергера, посвященный в основном годам пребывания Флеминга в России и Персии: Berger U. Das Verhängnis oder Die Liebe des Paul Fleming. Berlin, 1983. – 167 S. Наиболее подробно произведения П. Флеминга о Москве и о России в контексте его биографии проанализированы в статье: Lohmeier D. Paul Flemings poetische Bekenntnisse zu Moskau und Russland // Russen und Rußland aus deutscher Sicht: 11.–17. Jahrhundert / Hrsg. von Keller M. – 1985. – S. 341–370.
- ⁴¹ См. подробнее: История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века. – Л., 1982. – С. 29 и сл.

⁴² Там же. – С. 30. О судьбе пьесы в России и о европейской судьбе сюжета об Эсфири см.: *Робинсон А.Н.* Первый русский театр как явление европейской культуры // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII – начало XVIII в.). – М., 1976. – С. 8–27. В данной статье вполне убедительно звучит мысль о том, что «первые московские и петербургские театры (с 1672 г. до 1752 г.), основанные на ранней рукописной драматургии, были заметным и закономерным явлением и собственно русской, и обще-европейской культуры» (с. 27).

⁴³ *Szyrocki M.* Martin Opitz. – Berlin, 1956. – S. 182.

⁴⁴ Там же. – С. 191.

⁴⁵ История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века. С. 45–46. Адам Олеарий в 1636 г. видел в Москве кукольное представление с Петрушкой и сценки, разыгрываемые скоморохами, см.: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. – СПб., 1906. – С. 190.

⁴⁶ См., например: *Чучмарев В.И.* Г.В. Лейбниц и русская культура. Из истории международных научных и культурных связей. – М., 1968. – С. 26. В этой книге впервые воспроизведена черновая именного указа Петра I от 1 ноября 1712 г. о принятии Лейбница на русскую службу. До сих пор сохраняют документальную и познавательную ценность книги: *Герье В.* Лейбниц и его век. Т. 2: Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. – СПб., 1871. – 208 с.; Сборник писем и материалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. Издал Герье В. – СПб., 1873. – 373 с. О значении трудов Лейбница в истории европейской философии см.: *Нарский И.С.* Готфрид Лейбниц. – М., 1972. – 239 с. См. также предисловие В.В. Соколова в кн.: *Лейбниц Г.В.* Соч.: В 4-х т. – М., 1982. – Т. 1. – С. 3–77.

⁴⁷ *Чучмарев В.И.* Лейбниц и русская культура. – С. 42.

⁴⁸ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Книга VIII. – М., 1962. – Т. 15–16. – С. 454.

⁴⁹ Там же. – С. 455. А.Ю. Андреев многие годы составлял по немецким архивным источникам списки русских студентов, обучавшихся в немецких университетах, см.: *Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. – М., 2005. – 432 с. По его подсчетам с 1698 по 1849 гг. 926 студентов, обучавшихся в 22 немецких университетах являлись уроженцами России, многие из них в дальнейшем внесли значительный вклад в российскую культуру и общественную жизнь. Названная монография является также уникальным справочным изданием. Обращаем внимание на изданную сотрудниками ИМЛИ важную источниковедческую публикацию записок, дневников и писем русских путешественников в Западную Европу в 1697–1727 гг., включая письма и бумаги самого Петра I, относящимися к его собственным поездкам в Европу в 1698–1716 гг.: Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники первой четверти XVIII века. Выпуск первый. Отв. ред. Е.Н. Лебедев. – М., 2000. – 496 с.

⁵⁰ См. подробнее: *Пумпянский Л.В.* Ломоносов и немецкая школа разума // Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. – Л., 1983. С. 3–44. Что же касается философии Х. Вольфа, то его связей с Россией в настоящее время наиболее полно освещены в статьях и библиографии в кн.: Христиан Вольф и философия в России. – СПб., 2001. – 400 с.

⁵¹ *Пумпянский Л.В.* Указ. соч. – С. 4.

⁵² См. подробнее: *Берков П.Н.* Немецкая литература в России в XVIII веке // *Берков П.Н.* Проблемы исторического развития литературы. Статьи. – Л., 1981. – С. 263 и сл. Данная статья, богатая по материалу, к сожалению, осталась незавершенной.

⁵³ Подробнее см. в названных выше работах Л.В. Пумпянского и П.Н. Беркова.

⁵⁴ Любопытная аналогия возникает при сопоставлении высказанного утверждения с датами публикаций первых серьезных иноязычных словарей в России. В 1731 г. упоминавшийся уже академик Г.Ф. Миллер издал немецко-латинско-русский лексикон с очерком основ русского языка на немецком и русском языках, который долгое время служил и русским, и немцам. В 1755 г. С.С. Волчков составил французский лексикон с объяснением слов на немецком, латинском и русском языках. И лишь в начале 1760-х годов «причетник русской посольской церкви в Лондоне, некто Михаил Пермский, составил самостоятельно первую на русском языке грамматику английского». См.: *Полевой П.Н.* История русской словесности. – СПб., 1903. – Т. 1. – 2-е изд. – С. 632. В новых исследованиях картина уточняется, но существенно не изменяется: русско-латинско-немецкий лексикон был издан еще в 1700 г. в Амстердаме И.Ф. Копиевским, см.: Словари и словарное дело в России XVIII в. – Л., 1980. – С. 6 и сл.

⁵⁵ *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. – М., 1982. – Т. 91. – С. 72–73. В данном случае ссылка на фундаментальное исследование академика М.П. Алексеева важна еще и как свидетельство одного из крупнейших специалистов по международным связям русской литературы, пришедшего к выводу, что «непосредственные источники» театра Петра I (как и первые пьесы театра Алексея Михайловича) «как будто и на этот раз

были немецкие» (с. 72) и что «английские драматические сюжеты» приходили в Россию в конце XVII века через «немецкое посредство» (с. 105).

⁵⁶ История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. – Т. II. – Драматургия. Поэзия. Ответственный редактор Ю.Д. Левин. – СПб., 1996. – С. 14–15.

⁵⁷ Первый том ее был опубликован на русском языке в 1750 г. под названием «Описание Сибирского царства».

⁵⁸ С 1758 г. журнал назывался «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», с 1763 г. – «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», см.: Русская периодическая печать (1702–1804). Справочник. – М., 1959. С. 22–23. В справочнике содержится много полезных данных, в том числе и по переводной литературе, опубликованной в XVIII веке в русской периодической печати. Наиболее полный аналитический обзор деятельности Г.Ф. Миллера на русском языке см. в кн.: *Белковец Л.П.* Россия в немецкой исторической журналистике XVIII века. Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. – Томск, 1988. – 286 с.

⁵⁹ В журнале почти не участвовал М.В. Ломоносов, резко отрицавший «норманскую теорию» происхождения Русского государства, которую развивал в своих трудах Г.Ф. Миллер.

⁶⁰ Советская историческая энциклопедия. – М., 1976. – Т. 16. – С. 293.

⁶¹ *Цигенгайтс Г.* Проблемные аспекты германо-славянских культурных отношений в период Просвещения и романтизма в общеевропейском контексте // Советское славяноведение. – М., 1985. – № 6. – С. 108.

⁶² Как отметил А.С. Дмитриев, «влиянию немецкой литературы в Англии и ее изучению там положило начало доклад Генри Макензи, сделанный 21 апреля 1788 года в Королевском обществе в Эдинбурге, посвященный новейшей немецкой драматургии и драме Шиллера «Разбойники», преимущественно», см.: *Дмитриев А.С.* Проблемы иенского романтизма. – М., 1975. – С. 16.

⁶³ *Берков П.Н.* Проблемы исторического развития литератур. – Л., 1981. – С. 257. П.Н. Берков здесь же ссылается и на другую свою работу, «Знакомство с русской литературой в Германии в XVIII веке», где содержится раздел о распространении и значении немецкого языка в России в XVIII веке. Но названная работа пока не опубликована (П.Н. Берков умер в 1969 г.).

⁶⁴ Л.И. Сазонова в интересном исследовании «Переводная художественная проза в России 30–60-х годов XVIII в.» справедливо отмечает важное значение перевода В.К. Третьяковым в 1730 г. романа французского писателя П. Тальмана «Езда в остров Любви» и последовавших за ним переводов с французского, см.: Русский и западноевропейский классицизм: Проза. – М., 1982. – С. 115–137. В области переводных романов, по-видимому, действительно можно говорить о заметном усилении французского влияния – вплоть до 1770–1780-х годов, когда в русскую литературу вошли многочисленные переводы романов Виланда, «Страдания юного Вертера» Гёте и т.д. И все-таки нельзя забывать о том, что ведущее место в русской литературе XVIII века долго оставалось за поэзией, где, безусловно, наиболее тесными были именно русско-немецкие контакты.

⁶⁵ Важные сведения о публикациях произведений названных авторов в XVIII веке в России см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725–1800). – М., 1963–1967. – Т. 1–5.

⁶⁶ См.: *Гёте И.В.* Из моей жизни: Поэзия и правда. – М., 1969. – С. 197 («Геллерт был на редкость любим и уважаем молодежью. Я уже успел его посетить и был им ласково принят...»). – С. 229–230, 233 и др.

⁶⁷ *Радищев А.Н.* Избранные сочинения. – М., 1952. – С. 33.

⁶⁸ Неполный перечень см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. – Т. 1. – С. 207–210.

⁶⁹ См.: *Данилевский Р.Ю.* Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII–XIX веков. – Л., 1984. – С. 64–65.

⁷⁰ *Карамзин Н.М.* Полное собрание стихотворений. – М.-Л., 1966. – С. 58–63. Хочется обратить внимание на то, что в этом стихотворении вслед за прославлением Клопштока стоят пророческие слова о будущем русской поэзии:

О, Россы! век грядет, в который и у вас
Поэзия начнет сиять, как солнце в полдень...

⁷¹ См., например, очень богатое фактическим материалом исследование: *Левин Ю.Д.* Оссиан в русской литературе. Конец XVIII – первая треть XIX века. – Л., 1980. – 205 с.

⁷² *Данилевский Р.Ю.* Россия и Швейцария. – С. 50.

⁷³ Русские переводы опубликованы соответственно в 1783, 1784, 1793-м годах.

⁷⁴ См. подробнее: *Меркулов В.Л.* Альбрехт Галлер. – Л., 1981.

⁷⁵ См. подробнее: *Тураев С.В.* Альбрехт Галлер и западно-европейское Просвещение // Литература Швейцарии: Очерки. – М., 1969. – С. 61–75.

⁷⁶ *Данилевский Р.Ю.* Россия и Швейцария. – С. 53.

⁷⁷ Там же. – С. 57.

⁷⁸ Из новейших изданий особый интерес представляет двухтомник: История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. – Т. I. Проза. – СПб., 1995; Т. II. Драматургия. Поэзия. – СПб., 1996.

⁷⁹ *Неупокоева И.* Общие черты европейского романтизма и своеобразие его национальных путей // Европейский романтизм. – М., 1973. – С. 8.

⁸⁰ Имеются в виду работы типа: XVIII век в мировом литературном развитии. – М., 1969; Проблемы Просвещения в мировой литературе. – М., 1970; *Тураев С.В.* От Просвещения к романтизму (Трансформация героя и изменение жанровых структур в западноевропейской литературе конца XVIII – начала XIX в.). – М., 1983; Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей. – М., 1987; Россия и Германия: Опыт философского диалога. – М., 1993; Россия и Германия. Выпуск 2. Ответственный редактор Б.М. Туполев. – М., 2001; Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. – М., 2002.

⁸¹ См.: Европейский романтизм. – М., 1973.

⁸² См. подробнее в кн.: *Begegnung und Bündnis. Sowjetische und deutsche Literatur. Historische und theoretische Aspekte ihrer Beziehungen.* Hrsg. von G. Ziegenggeist. – Berlin, 1972. – S. 454.

⁸³ *Неустроев В.П.* Немецкая литература эпохи Просвещения. – М., 1959. – С. 85.

⁸⁴ См. подробнее: *Данилевский Р.Ю.* Виланд в русской литературе // От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы. – Л., 1970. – С. 338–350.

⁸⁵ История русской переводной художественной литературы. Т. II. – СПб., 1996. – С. 92.

⁸⁶ Автор первого в России монографического исследования о Ленце М.Н. Розанов утверждал: «Общение Карамзина с Ленцем не прошло бесследно для молодого русского писателя. Ленц внес свою лепту в подготовку Карамзина к путешествию по Западной Европе и сыграл известную роль в образовании его литературных симпатий, свидетельствующую о близости к тенденциям периода «бурных стремлений». См.: *Розанов М.Н.* Поэт периода «бурных стремлений» Якоб Ленц: Его жизнь и произведения. – М., 1901. – 582 с. Выше процитирован последний (19-й) вывод этой диссертации.

⁸⁷ См. подробнее: *Данилевский Р.Ю.* И.Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы: Сборник статей. – Л., 1980. – С. 174–217.

⁸⁸ *Полевой П.Н.* История русской словесности. – СПб., 1900. – Т. 2. – С. 175–178.

⁸⁹ *Ланштейн П.* Жизнь Шиллера. – М., 1984. – С. 70. Подробные комментарии по поводу «Тобольска» у Шиллера см.: *Данилевский Р.Ю.* Тема Сибири в предисловии Ф. Шиллера к «Антологии на 1782 год» // Россия и Запад. Из истории литературных отношений. – Л., 1973. – С. 16–24.

⁹⁰ *Радищев А.Н.* Избранные сочинения. – М., 1952. – С. 569.

⁹¹ На русском языке была опубликована отдельным изданием лишь часть предисловия, о чем, видимо, и упоминает в процитированном письме А.Н. Радищев: «Перевод с предисловия, сочиненного профессором Гмелином к первому тому Флоры сибирской». – СПб., 1749–1784.

⁹² К такому выводу подводит, например, интересная статья: *Ковалевская Е.Г.* Анализ текста повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» // Язык русских писателей XVIII века. – Л., 1981. – С. 176–193.

⁹³ Уже в 1783 г. он опубликовал свой первый перевод из С. Геснера: Деревянная нога. Швейцарская идиллия г. Геснера. – СПб., 1783. – 18 с.

⁹⁴ О происхождении зла. Поэма великого Галлера. – М., 1786. – 78 с.

⁹⁵ См. главу «Н.М. Карамзин и Швейцария» в кн.: *Данилевский Р.Ю.* Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII–XIX вв. – Л., 1984. – С. 90–113. Переписку Карамзина с Лафатером см.: Переписка Карамзина с Лафатером. Сообщена доктором Ф. Фальдманом; приготовлена к печати Я. Гротом. – СПб., 1893. – 67 с.

⁹⁶ Еще М. Погодин отмечал, говоря о Карамзине: «Немецкая литература занимала его в особенности»: *Погодин М.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. – М., 1866. – Ч. I. – С. 37.

⁹⁷ *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения. – М.-Л., 1964. – Т. 1. – С. 136. Далее Карамзин подробно говорит и о других произведениях К.Ф. Морица и передает свою беседу с ним.

⁹⁸ *Гейне Г.* Собр. соч.: В 10-ти т. – М., 1958. – Т. 6. – С. 85.

⁹⁹ Об отношении Карамзина к Шиллеру см также: *Данилевский Р.Ю.* Шиллер и становление русского романтизма // Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. – Л., 1972. – С. 8–36.

¹⁰⁰ *Лотман Ю.М.* Поэзия Карамзина // *Карамзин Н.М.* Полное собрание стихотворений. – М.-Л., 1966. – С. 27.

¹⁰¹ См., например: *Reissner E.* Deutschland und die russische Literatur. 1800–1848. – Berlin, 1970. – 403 S.

¹⁰² Цигенгайт Г. Богатство гуманистических традиций в немецко-русских литературных связях от эпохи Просвещения до освободительной войны 1813 года // Творчество и жизнь: Литературно-художественная критика в ГДР. – М., 1976. – С. 398.

¹⁰³ Там же. – С. 401.

¹⁰⁴ См.: Немецкие поэты в биографиях и образцах. Под редакцией Н.В. Гербеля. – Спб., 1877. – С. 411.

¹⁰⁵ Первая часть «Войнаровский» является вольным переводом отрывка из поэмы Рылеева, посвященной А. Бестужеву, вторая часть написана от лица А. Бестужева.

¹⁰⁶ См. подробнее: Алексеев М.П. Немецкая поэма о декабристах // Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение. – Л., 1983. – С. 320–329.

¹⁰⁷ См. библиографию в книге: Reissner E. Deutschland und die russische Literatur, 1800–1848. – Berlin, 1970. – S. 345–381. См. также: Данилевский Р.Ю. Россия Веймарского архива: (Из неопубликованных материалов) // Взаимосвязи русской и зарубежной литературы. – Л., 1983. – С. 145–182.

¹⁰⁸ Клавиго. Трагедия в пяти действиях г. Гёте / Перевод с немецкого О.П. Козодавлевым. – Спб., 1780. – 103 с.

¹⁰⁹ Страсти молодого Вертера / Перевод с немецкого Ф. Галченковым. – Спб., 1781. – Ч. 1–2. – 249 с.

¹¹⁰ Жирмунский В.М. Гёте в русской литературе. – Л., 1937. – 674 с., 2-е изд. 1981. – 558 с.

¹¹¹ Литературное наследство. – М., 1932; Т. 4–6; Житомирская З.В. Иоганн Вольфганг Гёте. Библиографический указатель русских переводов и литературы на русском языке. 1780–1971. – М., 1972. – 615 с.

¹¹² См. подробнее: Данилевский Р.Ю. Шиллер и становление русского романтизма // Ранние романтические веяния: Из истории международных связей русской литературы. – С. 3–27.

¹¹³ Разбойники. Трагедия г. Шиллера / Перевод с немецкого Н. Сандунов. – М., 1793. – 223 с.

¹¹⁴ См. подробнее: Смолян О.А. Первые постановки Шиллера в России // Фридрих Шиллер. Статьи и материалы. – М., 1966. – С. 13–41. См. также другие статьи в этом сборнике и ценный библиографический указатель «Фридрих Шиллер в советской критике (1917–1959)» (с. 374–415). Заметный вклад в изучение судьбы Шиллера в России внесла Л.П. Шаманская, защитившая кандидатскую диссертацию «В.А. Жуковский и Ф. Шиллер: поэтический перевод в контексте русской литературы» (2001) и продолжающая активно работать по теме, см.: Фукс-Шаманская Л.П. Фридрих Шиллер и русский шиллеризм. Рецепция творчества Фридриха Шиллера в России 1800–1820 годов. – М., 2009. См. также обобщающую монографию: Данилевский Р.Ю. Шиллер и Россия. – СПб, 2013.

¹¹⁵ Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. – Томск, 1985. – С. 12.

¹¹⁶ Белинский, например, неоднократно называл Жуковского «истинным Коломбом для своих современников», а Пушкин образно называл его «кормилицей нашей».

¹¹⁷ Очень богатый материал для анализа творческой эволюции Жуковского и его обширнейших штудий русской и зарубежных – особенно немецкой – литератур предоставляют коллективные исследования группы специалистов Томского университета: Библиотека В.А. Жуковского в Томске. – Томск, 1978. – Ч. 1. – 529 с.; 1984. – Ч. 2. – 557 с.; 1988. – Ч. 3. – 577 с.; Реморова Н.Б. Жуковский и немецкие просветители. – Томск, 1989.

¹¹⁸ Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. – Томск, 1985. – С. 13.

¹¹⁹ Подробнее см.: Немецкая поэзия в переводах В.А. Жуковского: Сборник с параллельным текстом на немецком языке. Составление, предисловие и комментарии А. Гугнина. – М., 2000. – 624 с. Немецкую и австрийскую литературу представляют в этом издании 21 писатель и 107 произведений, переведенных В.А. Жуковским. Но из-за ограниченного объема книги связи (и переводы) В.А. Жуковского с немецкой литературой представлены здесь далеко не полностью. В комментариях, к сожалению, мне не удалось полностью учесть разросшуюся исследовательскую литературу о Жуковском. Пользуюсь случаем упомянуть здесь одну из лучших книг о Жуковском, во Введении к которой автор подчеркивает насущную необходимость дальнейших исследований: Янушкевич А.С. Творчество Жуковского как художественная система. – М.: Наука, 2006. – 524 с.

¹²⁰ Жуковский В.А. Эстетика и критика. – М., 1985. – С. 346. Впервые это письмо было опубликовано в виде статьи в 1856 г. под заглавием «О меланхолии в жизни и поэзии».

¹²¹ Дмитриев А.С. Проблемы иенского романтизма. – М., 1975. – С. 70.

¹²² Там же.

¹²³ Жуковский В.А. Эстетика и критика. – С. 324.

¹²⁴ Дмитриев А.С. Романтическая эстетика Августа Вильгельма Шлегеля. – М., 1974. – 118 с.

¹²⁵ Данилевский Р.Ю. Людвиг Тик и русский романтизм // Эпоха романтизма: Из истории международных связей русской литературы. – Л., 1975. – С. 68–113. Некоторые дополнения см.: Гугнин А.А. Людвиг Тик, забытый гений немецкого романтизма // Он же. Немецкая литература XIX века: от романтизма до бидермайера. Статьи, переводы, комментарии, библиография. Выпуск первый. – Новополоцк – Москва, 2002. – С. 13–29. (Материалы Научного центра славяно-германских исследований. 2).

¹²⁶ Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература. – Воронеж, 1977. – 206 с.

¹²⁷ См. библиографический указатель: Э.Т.А. Гофман: Библиография русских переводов и критической литературы. Составитель Житомирская З.В. – М., 1964. – 132 с., а также дополнения к нему в кн.: Художественный мир Э.Т.А. Гофмана. – М.: Наука, 1982. – С. 288–292 (Составление Г.А. Шевченко). Некоторые новые материалы по истории восприятия творчества Гофмана в России см.: В мире Э.Т.А. Гофмана. Сборник статей. Выпуск 1. Главный редактор В.И. Грешных. – Калининград, 1994; Серапионовы братья: Гофман Э.Т.А. Серапионовы братья; «Серапионовы братья в Петрограде: Антология. Составление, предисловие, комментарии, подготовка текста А.А. Гугнина. – М., 1994. – 736 с.

¹²⁸ Гордон Я.И. Гейне в России (1830–1860-е годы). Душанбе, 1973. – 360 с.; Гордон Я.И. Гейне в России (1870–1917). Душанбе, 1979. – 274 с.; Гордон Я.И. Гейне в России. XX век. Душанбе, 1983. – 431 с.; критический анализ этого большого труда см.: Гугнин А.А. Проблемы изучения и издания Гейне (Критико-библиографические заметки) // Вопросы литературы. – М., 1985. – № 11. – С. 247–257; см. также раздел о Гейне (4 статьи) в кн.: Гугнин А.А. Немецкая литература XIX века: от романтизма до бидермайера. Статьи, переводы, комментарии, библиография. Выпуск первый. – Новополоцк – Москва, 2002 (Материалы Научного центра славяно-германских исследований. 2).

¹²⁹ Московский наблюдатель. 1836. Книга 2-я; Там же. 1836. Сентябрь. Книга 1-я.

¹³⁰ Koenig H. Literarische Bilder aus Rußland. Stuttgart und Tübingen, 1837.

¹³¹ Григорьев А.Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. – Л., 1977. – С. 88. В 1862 г. книга Г. Кёнига была издана и на русском языке.

¹³² Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. XI. – М., 1956. – С. 261.

¹³³ Varnhagen von Ense. Сочинения Александра Пушкина. Т. I–II. – Спб., 1838 // Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik. Oktober, 1838. N 61–64. S. 481–511. О судьбе поэзии Пушкина в Германии см.: Raab H. Die Lyrik Puškins in Deutschland (1820–1870). – Berlin, 1964.

¹³⁴ См. подробнее: Прийма Ф.Я. Русская литература на Западе. – Л., 1970.

¹³⁵ Подробнее о судьбе творчества Б. Ауэрбаха в России см.: Данилевский Р.Ю. Немецкий реализм 1850–1860-х годов и русская литература // Эпоха реализма. Из истории международных связей русской литературы. – Л., 1982. – С. 154–164.

¹³⁶ Laage K.E. Theodor Storm und Iwan Turgenew. Persönliche und literarische Beziehungen, Einflüsse, Bilder. – Heide, 1967.

¹³⁷ I.S. Turgenew und Deutschland. Materialien und Untersuchungen. Hrsg. von G. Ziegengeist. Bd. 1. – Berlin, 1965; Hock E. Turgenew und die deutsche Literatur. Ein Beitrag zur Literatur- und Geistesgeschichte des XIX. Jahrhunderts. – Göttingen, 1953. Kluge R.-D. Ivan S. Turgenew. Dichtung zwischen Hoffnung und Entsaugung. Unter Mitwirkung von Regine Noheil. – München: Erich Wewel Verlag, 1992 (Библ. с. 151–154).

¹³⁸ Reissner E. Alexander Herzen in Deutschland. – Berlin, 1963.

¹³⁹ Kersten G. Gerhart Hauptmann und Lew Nikolajewič Tolstoj. Studien zur Wirkungsgeschichte von L.N. Tolstoj in Deutschland 1885–1910. – Wiesbaden, 1966. О Т. Манне и Л. Толстом см.: Мотылева Т.Л. О мировом значении Л.Н. Толстого. – М., 1957.

¹⁴⁰ Вильмонт Н. Художник как критик // Манн Т. Собр. соч.: В 10-ти т. – Т. 10. – М., 1961. – С. 655. Отношению Т. Манна к русской литературе посвящено немало исследований, в том числе: Hofman A. Thomas Mann und die Welt der russischen Literatur. Ein Beitrag zur literaturwissenschaftlichen Komparatistik. – Berlin, 1967.

¹⁴¹ См., например: Рудницкий М.Л. Русские мотивы в «Книге Часов» Рильке // «Вопросы литературы». 1968. № 7; Brutzer S. Rilkes russische Reisen. Darmstadt, 1969; Epp G.K. Rilke und Rußland. Frankfurt a. M., 1984; Rilke und Rußland. Briefe, Erinnerungen, Gedichte. Hrsg. von Konstantin Asadowski. – Berlin und Weimar, 1986. – 659 S.

¹⁴² Азадовский К.М., Дудкин В.В. Достоевский в Германии (1846–1921) // «Литературное наследство». – Т. 86. – М., 1973. – С. 659–740; Достоевский в зарубежных литературах. – Л., 1978; Фридендер Г. Достоевский и мировая литература. – Л., 1985.

¹⁴³ Григорьев А.Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. – Л., 1977. – С. 92–93. Библиографию (и обзор) новейшей литературы, посвященной воздействию Ф.М. Достоевского на немецкоязычных писателей см.: Рысаков Д.П. Ф. Кафка и Ф.М. Достоевский: феноменальная рецепция русского реалистического романа («Процесс» – «Преступление и наказание»). – М., 2002. – 92 с. (Монографии Научного центра славяно-германских исследований. 3).

¹⁴⁴ Австрийско-русские литературные взаимосвязи, разумеется, нуждаются в специальном изучении, см. статьи и библиографию в книгах: *Wien als Magnet? Schriftsteller aus Ost-, Ostmittel- und Südosteuropa über die Stadt*. Hrsg. von Gertraud Marinelli-König und Nina Pavlova. – Wien, 1996. – 613 S.; Славяно-германские исследования. Тома первый, второй. Отв. редакторы А.А. Гугнин, А.В. Циммерлинг. – М., 2000. – 656 с.; Славяно-германские исследования. Т. 3: От имен к фактам. Отв. редакторы А.А. Гугнин, А.В. Циммерлинг. – СПб., 2008. – 496 с.; *Гугнин А.А.* Австрийская литература XX века: статьи, переводы, комментарии, библиография. – Новополоцк – Москва, 2000. – 208 с. (Материалы Научного центра славяно-германских исследований. 1). Богатый материал по взаимосвязям русской и австрийской литературы также см.: Карельский А.В. Метаморфозы Орфея: Беседы по истории западных литератур. Вып. 2: Хрупкая лира. Лекции и статьи по австрийской литературе XX века. – Сост. Э.В. Венгерова. – М., 1999. – 303 с.; Павлова Н.С. Природа реальности в австрийской литературе. – М., 2005. – 312 с.

¹⁴⁵ Наиболее полно и с современных литературоведческих позиций данная проблематика рассмотрена в кандидатской диссертации Е.В. Давыдовой «Творчество Новалиса в контексте русской литературы XX века» (2001) и в кн.: *Давыдова Е.В.* Голубой цветок и русский символизм: творчество Новалиса в контексте русской литературы начала XX века. – М., 2001. – 76 с. (Доклады Научного центра славяно-германских исследований. 3).

¹⁴⁶ Хотя еще в 1901 году на русском языке был опубликован перевод обширного эссе «Новалис» весьма популярного тогда Т. Карлейля. Кроме того, интерес к Новалису «подогревался» и опосредованно, например, через М. Метерлинка (этот факт «привязанности» Метерлинка к Новалису особенно заинтересовал А. Блока).

¹⁴⁷ *Новалис*. Фрагменты в переводе Григория Петникова. – М., 1914; *Новалис*. Гейнрих фон Офтердинген. – М., 1914 (книга была переиздана в 1922 г.). Дополнительные подробности о судьбе Новалиса в России см. также в кандидатской диссертации: *Молдавская О.Е.* Новалис в России: XIX – начало XX века. – М., 1997.

¹⁴⁸ Имя Р. Гайма упоминается один раз и фактически мимоходом, хотя книга его (остающаяся до сих пор самым скрупулезным описанием йенского романтического кружка) неоднократно переиздавалась в Германии и была полностью опубликована по-русски: *Гайм Р.* Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума. – М., 1891. – 774 с.

¹⁴⁹ *Жирмунский В.М.* Религиозное отречение в истории романтизма. Материалы для характеристики Клеменса Брентано и гейдельбергских романтиков. – М., 1919. – 204 с. + 83 с. (в отдельном пронумерованной третьей части книги).

¹⁵⁰ Опять-таки, вовсе не случайно в эти годы были опубликованы две прекрасные книги о Гофмане: *Игнатов С.С.* Э.Т.А. Гофман. Личность и творчество. – М., 1914; *Игнатов С.С.* А. Погорельский и Э. Гофман. – Варшава, 1914.

¹⁵¹ *Клейст Г.* Собр. соч.: Т. 1–2. – Пг.; М., 1923 (переводы Б. Пастернака, А.И. Оношкович-Яцыны, Ф. Сологуба, А.Н. Чеботаревской). Подробнее о судьбе Клейста в России см.: *Генрих фон Клейст*. Библиографический указатель. Составитель Н.И. Лопатина. Ответственный редактор и автор вступ. статьи А.А. Гугнин. – М., 1991. – 176 с. См. также новый материал в монографии: *Meyer-Fraatz A.* Die slawische Moderne und Heinrich von Kleist. Zur zeitbedingten Rezeption eines Unzeitgemäßen in Rußland, Polen und Kroatiien Wiesbaden: Harassowitz Verlag. 2002 (Библ. с. 307–347).

¹⁵² *Блок А.А.* Собр. соч.: В 6-ти т. – Т. 4. – Л., 1982. – С. 362. Здесь же надо упомянуть, что в эти же годы усилился интерес не только к немецкому, но и к английскому и французскому романтизму, свидетельством чего являются прекрасные книги: *Жерлицын М.* Кольридж и английский романтизм. – Одесса, 1914. – 300 с.; *Де Ла Барт Ф.* Шатобриан и поэтика мировой скорби во Франции в конце XVIII и в начале XIX столетия. Киев, 1905; *Он же.* Разыскания в области романтической поэтики и стиля. Т. 1. Романтическая поэтика во Франции. – Киев, 1908. – 520 с.

¹⁵³ *Жирмунский В.М.* Немецкий романтизм и современная мистика (1914). Цит. по переизданию (СПб., 1996). – С. 200.

¹⁵⁴ Самые важные работы представлены в библиографии: *Richard Wagner in Rußland. Die Rezeption seines Werkes in der russischen Literatur und Kultur. Auswahlbibliographie. Zusammenge stellt von Heide Willich.* – Tübingen, 1997. – 23 S.; См. также: *Клюге Р.Д.* Рихард Вагнер в России (Постановка проблемы) // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск восьмой. Отв. ред. А.А. Гугнин. – М., 1999. – С. 43–55.

¹⁵⁵ *Данилевский Р.Ю.* Русский образ Фридриха Ницше (Предыстория и начало формирования) // На рубеже XIX и XX веков. Из истории международных связей русской литературы. – Л., 1991. – С. 5–43; *Коренева М.Ю.* Д.С. Мережковский и немецкая культура (Ницше и Гёте. Притяжение и отталкивание) // Там же. С. 44–76; *Шестаков В.П.* Ницше и русская мысль // Россия и Германия: Опыт философского диалога. – М., 1993. – С. 280–306; Фридрих Ницше и философия в России. Сборник статей. Ответствен-

ный редактор Н.В. Мотрошилова, Ю.В. Синеокая. – СПб., 1999. – 312 с. В данном издании содержится и библиография работ о Ницше на русском языке с 1892 года по 1998 год (с. 296–309).

¹⁵⁶ См. материалы книг: *Der blaue Reiter. Dokumente einer geistigen Bewegung*. Hrsg. von A. Hünecke. – Leipzig, 1989. – 638 S.; *Синий всадник*. Под редакцией В. Кандинского и Ф. Марка. Перевод, комментарии и статьи З.С. Пышновской. – М., 1996. В альманахе (1912, 2-е изд. 1914) представлено 5 русских авторов (Д. Бурлюк, В. Кандинский (4 статьи), Л. Сабанеев, Н. Кульбин и В. Розанов). Обширные материалы по взаимосвязям в различных сферах искусства см. в кн.: «Berlin – Moskau / Moskau – Berlin 1900–1950». Hrsg. von I. Antonowa und J. Merkert. – München; New York, 1995. – 797 S.

¹⁵⁷ *Пастернак Е.Б.* Борис Пастернак. Материалы для биографии. – М., 1989. – С. 89.

¹⁵⁸ Некоторые подробности и библиографические отсылки к более фундаментальным изданиям см. в наших комментариях в кн.: *Зарубежная поэзия в переводах Бориса Пастернака*. Сборник. Составление Е.Б. Пастернака, Е.К. Нестеровой. – М., 2001. – С. 609–625. (Первое издание книги было в 1990-м году).

¹⁵⁹ Об этом свидетельствует кандидатская диссертация: *Коваленко Н.В.* Борис Пастернак как интерпретатор творчества И.В. Гёте. (К проблеме традиций И.В. Гёте в русской литературе XX века). – М., 2002.

¹⁶⁰ *Guenter J. von.* Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München. – München, 1969. Эта книга опубликована сейчас и на русском языке: *Гюнтер И.*, фон. Жизнь на восточном ветру: Между Петербургом и Мюнхеном. Пер. с нем., предисл., комментар. Ю.И. Архипова. М., 2010. Очень полное и наглядное представление о жизни и деятельности Гюнтера дает издание, подготовленное филологами Тюбингенского университета на основе изучения архива Гюнтера и его русской библиотеки (1703 наименования; библиотека приобретена Тюбингенским университетом), содержащей немало автографов писателей «серебряного века»: «Ein Leben im Ostwind». Eine Ausstellung aus dem Nachlaß des Übersetters und Schriftstellers Johannes von Guenter mit dem Katalog seiner russischen Bibliothek. 9. Mai bis 14. Juni 1996. Hrsg. von H. Setzer u.a. – Tübingen, 1996.

¹⁶¹ Подробности архивного характера см.: *Шик Н.Б.* Максимилиан Шик – посредник между русской и немецкой культурами // Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей. Под редакцией В.И. Кулешова и В. Фейерхерд. – М.: МГУ, 1987. – С. 170–187.

¹⁶² При расширении «списка» должны быть, к примеру, упомянуты В.В. Гофман (1884–1911) и А.А. Биск (1883–1973), игравшие в эпоху символизма (хотя и в меньших масштабах), сходную посредническую роль. А.А. Биск стал первым в России переводчиком и пропагандистом Р.М. Рильке, переводил С. Георге, Г. фон Гофманстала.

¹⁶³ Укажем лишь на некоторые исследования обобщающего характера: *Эткинд Е.Г.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. – Л., 1973. – 248 с.; *Левин Ю.Д.* Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. – Л., 1985. – 299 с.; *Левин Ю.Д.* Н.А. Холодковский – переводчик // На рубеже XIX и XX веков. Из истории международных связей русской литературы. Сборник научных трудов. – Л., 1991. – С. 276–315.

¹⁶⁴ См. подробнее: Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. Составитель и автор вступ. статьи В.М. Лейбин. – М., 1994; *Эткинд А.М.* Эрос невозможного: Развитие психоанализа в России. – М., 1994. – 376 с.

^{164a} См. подробнее: *Гугнин А.А.* Зарубежная литература XX века и задачи критики (Выступление в дискуссии) // Вопросы литературы. – М., 1989. – № 2. – С. 76–86.

¹⁶⁵ См., например: Великая Октябрьская социалистическая революция и мировая литература. – М., 1970; Великий Октябрь и литературный процесс современной эпохи. 1917–1977. – М., 1979.

¹⁶⁶ Генезис социалистического реализма в литературах стран Запада. – М., 1965. Сборник содержит в том числе статьи о И.Р. Бехере (Н.С. Павлова) и Б. Брехте (И.М. Фрадкин); *Марков Д.Ф.* Генезис социалистического реализма. Из опыта южнославянских и западнославянских литератур. – М., 1970.

¹⁶⁷ См., например: Ленинское наследие и литература XX века. Сборник статей. – М., 1969.

¹⁶⁸ См., например: *Юрьева Л.М.* М. Горький и передовые немецкие писатели XX века. – М., 1961; *Овчаренко А.М.* Горький и литературные искания XX столетия. – М., 1971.

¹⁶⁹ Книги и статьи Ф.П. Шиллера, М. Лифшица, А. Дымшица, Г. Фридендера и других ученых.

¹⁷⁰ См., например: В защиту искусства. Классическая марксистская традиция критики натурализма, декадентства и модернизма. – М., 1979; *Меринг Ф.* Литературно-критические статьи. – М.-Л., 1964; *Цеткин К.* Искусство. Идеология. Эстетика. – М., 1982.

¹⁷¹ *Angres D.* Die Beziehungen Lunačarskijs zur deutschen Literatur. Akademie-Verlag. – Berlin, 1970. – S. 245. См. мою рецензию на эту книгу: «Филологические науки». – М., 1975. – № 6. – С. 119–120.

¹⁷² См. подробнее: *Муравьев Ю.П.* Советско-германские связи в области литературы и искусства в годы Веймарской республики // Славяно-германские культурные связи и отношения. – М., 1969. – С. 177–200. Богатый фактический материал содержится в книге: *Рожновской С.В.* Социалистический реализм в немецкой литературе. Пролетарско-революционное литературное движение в Германии 1924–

1934 годах и его роль в формировании социалистического реализма. – М., 1973; Некоторые корректирующие соображения по поводу этой книги см.: *Гугнин А.А.* Великий Октябрь и пути развития немецкой марксистской критики в 1910–1930-х годах // Октябрьская революция и новая концепция литературы. К истории марксистской литературной критики европейских социалистических стран. – М., 1989. – С. 85–131.

¹⁷³ См. немецкие разделы в библиографии «Литература европейского антифашистского Сопротивления периода второй мировой войны в советском литературоведении и критике (1939–1970)» // Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы. 1939–1945. – М., 1972; *Девекин В.Н.* Не сгоревшие на костре. Немецкая антифашистская литература 1933–1945 годов. – М., 1979; *Встреча на Эбро: Немецкие писатели в борьбе против фашизма (1933–1945).* Составление, предисловие, комментарии А.А. Гугнина. – М., 1989. – 542 с.; *Exil in der UdSSR. Bd. 1. Hrsg. von S. Barck, K. Jahrmatz // Kunst und Literatur im antifaschistischen Exil 1933–1945 in sieben Bänden.* Leipzig, 1989 (первое издание в 1979).

¹⁷⁴ *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. Т. 1. – Ставрополь, 1992. – С. 32. В цифровых подсчетах автор опирается на книгу: *Volkman H.-E.* Die russische Emigration in Deutschland 1919–1929. – Würzburg, 1966.

¹⁷⁵ *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин. 1921–1923. По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Ymca-Press, Paris, 1983. – С. 2. См. также: *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. – Нью Йорк, 1956; 2-е издание. – Париж, 1984, с дополнениями и исправлениями; *Костиков В.В.* Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). – М., 1990. – 464 с.; *Соколов А.Г.* Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. – М.: МГУ, 1991. – 184 с.

¹⁷⁶ Верните мне свободу! Мемориальный сборник документов из архивов бывшего КГБ. Деятели литературы и искусства России и Германии – жертвы сталинского террора. Редактор-составитель В.Ф. Колязин в сотрудничестве с В.А. Гончаровым. – М., 1997; *Колязин В.Ф.* Таиров, Мейерхольд и Германия. Пискатор, Брехт и Россия: Очерки истории русско-немецких художественных связей. – М., 1998. – 264 с.; эта книга была защищена в 1999 году в качестве докторской диссертации.

¹⁷⁷ Под его редакцией, в частности, было подготовлено восьмитомное академическое издание Ф. Шиллера (1937–1950). О своем великом однофамильце Ф.П. Шиллер написал две книги: *Творческий путь Фридриха Шиллера в связи с его эстетикой.* – М.-Л., 1933; *Фридрих Шиллер. Жизнь и творчество.* – М., 1955. Эта книга вышла из печати уже после смерти Ф.П. Шиллера. Посмертно (1962) была опубликована и монография о Г. Гейне.

¹⁷⁸ В настоящее время издано хорошо откомментированное собрание писем (а также ряд других документов и фотографий): *Франц Шиллер.* Письма из мертвого дома. Составление, перевод с немецкого, примечания и послесловие В.Ф. Дизендорфа. – М., 2002. – 1024 с.

¹⁷⁹ Много интересных подробностей содержат мемуары офицеров Советской Военной администрации в Германии (СВАГ), см.: *Tjulpanow S.I.* Erinnerungen an deutsche Freunde und Genossen. – Berlin; Weimar, 1984. – 164 S.; *Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией. – М., 1995. – 400 с.

¹⁸⁰ См. подробнее: *Гугнин А.А.* Июньские события 1953 года в истории, идеологии и литературе ГДР // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. Ответственный редактор Ю.С. Новопашин. – М., 1997. – С. 21–37.

¹⁸¹ См.: *Гугнин А.А.* Год 1990 – что дальше? // «Вопросы литературы». – М., 1990. – № 10. – С. 3–35; *Он же.* Идеология, культурная политика и культура: на примере истории литературы ГДР // Социокультурные процессы в странах Восточной Европы (после Второй мировой войны). Ответственный редактор Ю.С. Новопашин. – М., 1992. – С. 120–169; *Он же.* Эмпирические размышления о том, как мы «перегнали» мировую литературу... // «Литературное обозрение». – М., 1989. – № 8. – С. 34–39.

¹⁸² См. подробнее: *Гугнин А.А.* Переоценка традиций и проблема культурного наследия в литературе ГДР первых послевоенных лет // Выбор пути. Литературы европейских социалистических стран в первые послевоенные годы. Ответственный редактор В.А. Хорев. – М., 1987. – С. 53–92. Там же и отсылки к дальнейшей литературе по данной проблематике.

¹⁸³ См. статьи и библиографию в кн.: *Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования. – М., 2000. – 432 с.

^{183a} До сих пор сохраняет информативную ценность справочник: *Зарубежные слависты.* – М.: ИНИОН РАН СССР, 1983. Справочник включает в себя несколько десятков славистов ФРГ, Австрии, Швейцарии и Западного Берлина.

¹⁸⁴ Библиографический указатель трудов А.В. Михайлова см.: *Михайлов А.В.* Языки культуры. – М., 1997. – С. 879–909; *Он же.* Обратный перевод. – М., 2000. – С. 835–836.

¹⁸⁵ Избранную библиографию переводов с немецкого языка и литературоведческих работ (включая диссертации) см.: *Гугнин А.А., Альбрехт Г.* Библиография // Писатели Германской Демократической Республики. Составление А. Гугнина. – М., 1984. – С. 445–472; *Он же.* Краткая библиография основных

переводов и критической литературы на русском языке // История немецкой литературы в трех томах. – Т. 3. – М., 1986. – С. 431–450; *Он же*. Австрийская литература на русском языке. Переводы и исследования // *Гугнин А.А.* Австрийская литература XX века. Статьи, переводы, комментарии, библиография. – Новополюцк – Москва, 2000. – С. 199–203; *Он же*. Немецкая литература эпохи романтизма и бидермайера. Краткая библиография // *Гугнин А.А.* Немецкая литература XIX века: от романтизма до бидермайера. Статьи, переводы, комментарии, библиография. – Новополюцк – Москва, 2002. – С. 231–236.

¹⁸⁶ См., например: *Die Rezeption der sowjetischen Literatur in der Deutschen Demokratischen Republik*. Hrsg. von H. Jünger u. a. – Berlin, 1986. – 206 S. *Gugnin A.* Edition, Studium und Rezeption der DDR-Gegenwartsliteratur in der UdSSR // *Die Literatur der DDR. 1976–1986. Akten der Internationalen Konferenz*. – Piza, 1987. Hrsg. von A. Chiarloni, G. Sartori, F. Gambi. – Piza, 1988. – S. 107–114; 222–223; 434; 454; *Он же*. Hermann Kants Werke in der UdSSR // «Совжетлитература». – М., 1988. – N 6. – С. 158–160; *Gugnin A.A.* Zur Rezeption von Sowjetliteratur „Zement“ und „Wolokolamsker Chaussee“ 1 und 11 // Müller H. Material. Texte und Kommentare. Hrsg. Von Frank Hörnigk. – Leipzig: 1989. – S. 213–225; эта статья опубликована в том же году в книге с таким же названием в ФРГ в Гёттингене.

¹⁸⁷ См., например: *Walenski T.* Christa Wolf und Sowjetrußland. 1945–1991. – Frankfurt am Main, 1999. – 150 S.; *Kasack W.* Deutsche Literatur des 20. Jahrhunderts in russischer Übersetzung. Historischer Überblick. Bibliographie 1945–1990. – Mainz, 1991; *Göbler F.* (Hrsg.) Max Frisch in der Sowjetunion. Materialien zur Rezeption. – Mainz, 1991; *Glade H., Bukowski P.* Vom kritischen zum kapitalistischen Realismus. Deutsche Gegenwartsliteratur in russisch-sowjetischer Sicht. – Mainz, 1995.

¹⁸⁸ Аналитический обзор этого монументального издания см.: *Гугнин А.А.* Вуппертальский проект «Германия и немцы глазами русских» и его историко-культурное значение // *Немцы в России: историко-культурные аспекты*. – М., 1994. – С. 6–22; Обзор был опубликован также в журнале «Россия и современный мир». – М., 1994. – № 1. – С. 132–142. За прошедшее десятилетие было опубликовано много статей и коллективных сборников, посвященных анализу и оценке Вуппертальского проекта, защищены несколько кандидатских диссертаций, см. подробнее в диссертации и автореферате: *А.М. Кожевникова*. «Вуппертальский проект» Льва Копелева: научное и общественно-политическое значение: автореферат дис. канд. исторических наук: 07.00.03. Институт всеобщей истории РАН. – М., 2012. В частности в автореферате указывается, что с конца 1990-х годов в Липецке было проведено пять международных «Копелевских чтений», на основе которых издавались сборники научных статей.

¹⁸⁹ *Немцы в России: проблемы культурного взаимодействия*. – СПб., 1998. – 327 с.; *Немцы в России: немцы и развитие образования в России*. – СПб., 1998; *Немцы в России: люди и судьбы*. – СПб., 1998. – 311 с.; *Немцы в России: петербургские немцы*. – СПб., 1999. – 620 с.; *Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи*. – СПб., 2000. – 424 с.; *Немцы в России: российско-немецкий диалог*. – СПб., 2001. – 552 с.; *Немцы в России: три века научного сотрудничества*. – СПб., 2003. – 604 с. См. также проблемно заостренную монографию: *Щепетов К.П.* Немцы – глазами русских. – М., 1995.

¹⁹⁰ Еще одним подтверждением сказанного является выход в свет «Истории швейцарской литературы» (Т. 1–2. – М., 2002, отв. ред. Н.С. Павлова; Т. 3. – М., 2005, отв. ред. В.Д. Седельник) и «Истории австрийской литературы XX века» (Т. 1–2. – М., 2009–2010, отв. ред. В.Д. Седельник). Работа над этими изданиями объединила большой коллектив известных и молодых германистов.

¹⁹² Русская германистика: Ежегодник РСГ. Спецвыпуск. / Ред. Аликаев Р.С. и др. – Нальчик: К.-Б. Ун-т, 2007. – 257 с.; Русская германистика: Ежегодник РСГ. Спецвыпуск 2. / Ред. Аликаев Р.С. и др. – Нальчик: К.-Б. Ун-т, 2008. – 169 с.; Русская германистика: Ежегодник РСГ. Спецвыпуск 3. / Ред. Аликаев Р.С. и др. – Москва, Нальчик: К.-Б. Ун-т, 2010. – 150 с.; Русская германистика: Ежегодник РСГ. Спецвыпуск 4. / Ред. Аликаев Р.С. и др. – Москва, Нальчик: К.-Б. Ун-т, 2011. – 230 с.; Русская германистика: Ежегодник РСГ. Спецвыпуск 5. / Ред. Аликаев Р.С. и др. – Нальчик, Москва: К.-Б. Ун-т, 2012. – 186 с.

¹⁹³ В последующих примечаниях приводятся лишь отдельные примеры: *Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Для ин-тов и фак-тов иностр. языков. Учеб. пособие. – 5-е издание. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «Филология три», 2002. Этот учебник, постоянно дорабатывавшийся автором при переизданиях (первое издание, 1953 г.) до сих пор остается весьма полезным в самых различных отношениях; *Тонер П.М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. – М.: Наследие, 2000. Книга касается вопросов теории, истории художественного перевода в России и проблем переводческой практики.

¹⁹⁴ *Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учеб. пособие. – М.: Флинта: МПСИ, 2006. В первой части «История и теория зарубежного перевода» в отдельных главах анализируется ситуация в Германии; вторая часть целиком посвящена истории перевода в России, а также становлению теории перевода как науки в литературоведении и в лингвистике; есть библиография (С. 392–407). Немаловажное значение при разностороннем освоении проблем художественного перевода имеют книги и статьи самих переводчиков, например: *Любимов Н.М.* Перевод – искусство. Изд. второе, дополненное. – М.: «Советская Россия», 1982. – 128 с. Нельзя не учитывать

и материалы, собранные в антологии: Русские писатели о переводе (XVIII–XX века). – Л., 1960, а также в более позднем издании: Перевод – средство взаимного сближения народов. Художественная публицистика. Сост. А.А. Клышко. – М.: Прогресс, 1987. – 640 с. Богатый материал по теории и истории художественного перевода содержится в сборниках «Мастерство перевода» (публиковались в Москве с 1959 г., 13-й выпуск в 1985 г., См.: *П.М. Тонер*, с. 20, с. 24). Для изучения истории поэтического перевода в России немаловажное значение имеют антологии, составленные Е.Г. Эткингом (1918–1999, в 1965 г. защитил докторскую диссертацию по истории перевода): Мастера русского стихотворного перевода. Вступительная статья, подготовка текстов и примечания Е.Г. Эткинда. Т. 1–2. – Ленинград: Советский писатель, 1968 (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание); Мастера поэтического перевода. XX век. Вступ. статья, составл. Е.Г. Эткинда, подг. текста и примеч. Е.Г. Эткинда, М.Д. Яснова. – СПб.: Академический проект, 1997. – 880 с. (Новая библиотека поэта). Полезный дополнительный материал к истории перевода представляет серия «Мастера поэтического перевода», начатая в 1963 году в «Издательстве иностранной литературы» в Москве книгой «Поэты-современники. Стихи зарубежных поэтов в переводе Д. Самойлова» (Выпуск первый). 30-й выпуск этого издания был опубликован в издательстве «Прогресс» (Собратья. Стихи зарубежных поэтов в переводе Евгения Винокурова. – М.: Прогресс, 1980. – 270 с.). В дальнейшем большую и разностороннюю работу по изданию поэзии, прозы, драматургии и эссеистики зарубежных писателей проводило вновь созданное издательство «Радуга», в котором автор настоящего обзора был первым (назначенным на основе конкурса) заведующим редакцией художественной литературы на языках оригинала (1982–1983 гг.), где в том числе издавались сборники с параллельными текстами, комментированные издания зарубежных писателей (с приложениями переводов на русском языке); в этих изданиях охотно участвовали видные литературоведы и переводчики: С.С. Аверинцев, Ал.В. Михайлов, А.В. Карельский, Ю.И. Архипов, Г.К. Косиков и многие другие... Следует заметить, что в редакции тогда работали опытные редакторы, энтузиасты своего дела, не жалевшие ни времени, ни усилий для подготовки доброкачественных изданий (Н.Т. Беляева, К.Н. Атарова и др.).

¹⁹⁵ История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. Отв. редактор Ю.Д. Левин. – Санкт-Петербург: Дмитрий Булавин, 1995. – 316 с.; История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. II. Драматургия. Поэзия. Отв. редактор Ю.Д. Левин. – Санкт-Петербург: Дмитрий Булавин, 1996. – 269 с. Данный двухтомник, созданный авторитетным коллективом Института русской литературы РАН, является наиболее фундаментальным академическим трудом по истории переводной литературы допетровской эпохи, ценность его еще и в том, что в ряде случаев авторы обрабатывали не только опубликованные, но и архивные источники.

¹⁹⁶ *Эткинд Е.Г.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. – Ленинград: Наука, 1973; *Левин Ю.Д.* Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Отв. редактор А.В. Фёдоров. – Ленинград: Наука, 1985.

¹⁹⁷ *Брандес М.П.* Стиль и перевод: На материале немецкого языка: Учебное пособие. Издание второе. – М. Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. Книга заслуженной и опытной германистки представляет интерес как в теоретическом, так и в практическом планах.

¹⁹⁸ Поэт-переводчик Константин Богатырёв: друг немецкой литературы. Редактор-составитель Вольфганг Казак с участием Льва Копелева и Ефима Эткинда. – München: Sagner, 1982.

¹⁹⁹ См. прим. №№ 82; 107.

²⁰⁰ См. прим. №№ 136; 137; 138; 139; 143; 150; 155.

²⁰¹ Одно из наиболее заметных изданий: Русские писатели 20 века: Биографический словарь / Гл. ред. и сост. П.А. Николаев. – М.: Большая Российская энциклопедия; Рандеву – А.М., 2000. – 808 с. Однако, главный редактор издания в предисловии «От составителя» совершенно справедливо пишет: «Создатели Словаря надеются, что эта книга послужит содержательным материалом для будущей научной истории русской литературы уходящего столетия» (с. 6).

²⁰² Наиболее ярким подтверждением сказанного является замечательное издание: Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940) / Гл. ред. и сост. А.Н. Николукин. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), Т. 1–2., 1997. – 2006. Это издание, тщательно готовившееся на основе российских и зарубежных источников, весьма наглядно подчеркивает, какая огромная (но благодарная) работа ждет нас всех впереди...

²⁰³ *Lehmann J.* Russische Literatur in Deutschland. Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. – Verlag J.B. Metzler, Stuttgart, 2015. – 417 S.

²⁰⁴ *Ibid.*, S.6

1985/2003/2016